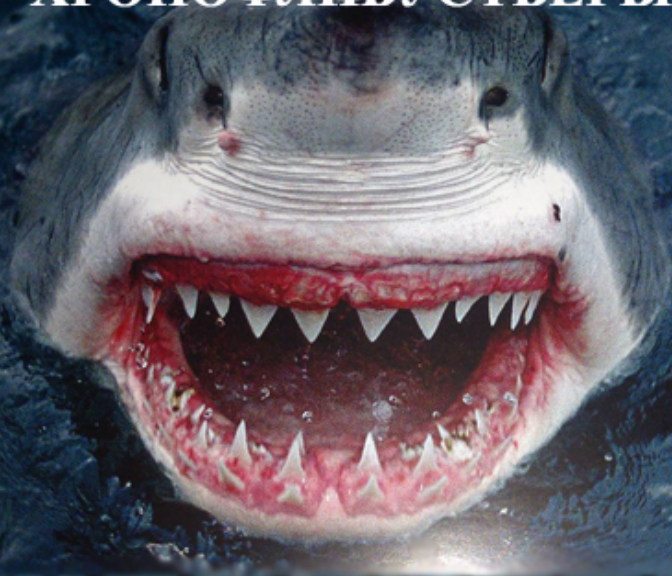

ВИКТОР ТОЧИНОВ

ХРОНОФЛИБУСТЬЕРЫ

ОСВОД

ОНИ СПАСАЮТ ВАС ОТ ДРЕВНИХ

Виктор Павлович Точинов
ОСВОД. Хронофлибустьеры
Серия «ОСВОД», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48518546

Аннотация

Приключения Сергея Чернецова продолжают... Заурядное для ОСВОДа задание: разыскать корабль-призрак, появляющийся и исчезающий в Северной Балтике, – обернулась очень долгим возвращением домой, через чужие Миры и времена. Попутно пришлось стать политиком и полководцем, а заодно сойтись в схватке с одной из надмировых Сил, старающейся вернуть прежнюю власть и влияние.

Содержание

Часть первая. Учебная тревога	4
Глава 1. Последний день весны	4
Глава 2. Клоуны не нашего цирка	18
Глава 3. Первая ночь лета	33
Глава 4. Вскрытие покажет	44
Глава 5. Полет над гнездом квакушки	55
Глава 6. К вопросу о дурных приметах	63
Глава 7. Маленький, да удаленький	74
Глава 8. Особый вечер	86
Глава 9. Идеальное место для отдыха	102
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Виктор Точинов

ОСВОД.

Хронофлибустьеры

Часть первая. Учебная тревога

Глава 1. Последний день весны

– Третья бензоколонка за неполный месяц! Третья! – Я поднял руку с тремя отогнутыми пальцами. – По-моему, Рада, это уже перебор. Не прекратишь, последуют оргвыводы. Серьезные.

Мадмуазель Хомякова устремила на меня невинный взгляд голубых глаз. И всем своим видом демонстрировала, что ни малейшего отношения к сгоревшим автозаправочным станциям не имеет. Я невинному виду ни на йоту не поверил и уставился на нее, как прокурор на обвиняемого. Тогда Рада объяснила словами:

– Так на лапу, небось, дают пожарным инспекторам. Оттого и горят потом: замыкание, искра, долго ли...

Мне же причина серийных пожаров виделась несколько иной. Примерно такой: мадмуазель Хомякова подкатывает

к очередной АЗС на своей «вонючей тарыхтелке» – на древнем мопеде с прогоревшим глушителем – и заливает полный бак бензина. Хотя нет, двигатель у «тарыхтелки» двухтактный, топливо надо загодя смешивать с машинным маслом... Тогда так: Рада заливает полную канистру, привезенную на багажнике, а спустя какой-то срок обнаруживает, что ее обманули: недолили, или обсчитали в деньгах, или бензин разбавлен жидкостями, менее дорогими и более вредными для двигателя... С ее способностями не нужны долгие лабораторные исследования для установления факта обмана. И она говорит в сердцах «Да чтоб вы сгорели!» – и спустя час на АЗС случается пожар. Или спустя день, не так уж важно, главное, что Рада Хомякова в тот момент далеко и имеет полное алиби.

Впрочем, возможен подвариант: Раде и «тарыхтелке» на заправке отказывают в обслуживании. Дескать, прогоревший глушитель мопеда – предмет очень пожароопасный. И она в сердцах говорит... ну и так далее, по той же схеме.

С историей одного пожара я ознакомился в деталях, просмотрев видеозапись. На первый взгляд – полная случайность, на второй тоже: металлическая канистра при заправке выпала из руки, ударилась о бетон, высекла искру, – и полыхнуло. Стоявший у соседнего автомата водитель дернулся от громкого огненного хлопка, отскочил, непроизвольно выдернув заправочный пистолет из горловины бака, причем пистолет стоял на защелке... Короче говоря, обошлось без

фатальных жертв (как и в двух других случаях), ожоги первой-второй степени жизни не угрожали, – но ущерб только от этого эпизода, с учетом сгоревших машин, приближался к девятнадцати миллионам.

Свидетелей происшествия хватало, а видеокамеры все зафиксировали в деталях. Даже сотрудники страховой компании удовлетворились версией о случайности, а уж они всегда и во всем склонны видеть криминал. Лишь я, просматривая сводку происшествий по Гатчинскому району, заподозрил неладное.

Вообще-то и пожары, и прочие сухопутные происшествия никоим образом в сферу ответственности ОСВОДа, начальником которого я служу, не входят. Но по негласной договоренности с боссом мне уже не первый год приходится приглядывать за семейкой Хомяковых... Не выпускать из виду.

Основанием для моих подозрений стал банальный географический факт: все три сгоревшие заправки находились в считанных километрах от Спасовки, где обитало упомянутое семейство. Имелась еще одна, уцелевшая, та находилась даже ближе, – но кто сказал, что тремя эпизодами серия исчерпается? Да и бензин для «тарактелки» где-то покупать в любом случае надо.

* * *

В общем, назревал визит к Хомяковым и нелицеприятный

разговор с младшим поколением семейства. И тут, как говорится, зверь сам выбежал на ловца: Хомяков-старший мне позвонил (впервые, кажется, за всю историю нашего знакомства). Попросил срочно приехать и погостить в Спасовке на время его, Хомякова, отсутствия. День, или сутки, если потребуется, но не больше.

Я удивился. Хомяков-старший никогда на моей памяти Спасовку не покидал. В смысле, надолго не отлучался. Хомяковы обитают там испокон веку, но не подряд, с перерывами, – как мне рассказывали, прожив около четверти века, собираются и уезжают куда-то примерно на тот же срок. Потом возвращаются и живут как прежде, вступив в права наследования и вселившись в семейную недвижимость, – по документам вернувшиеся числятся уже следующим поколением Хомяковых. Такой вот у них жизненный цикл.

Как растолковал мне по телефону глава семейства, случай приключился особый, неординарный: у его супруги, Всеславы Буняковны, начались роды. Вот это да... И впрямь неординарное событие. Все десять лет нашего знакомства г-жа Хомякова выглядела беременной на самом последнем сроке, причем не только выглядела, – и впрямь была на сносях, и первые буквы инициалов ВБХ я расшифровывал не как Всеслава Буняковна, а как Вечно Беременная. Поудивлявшись на первых порах, я затем привык к такой вот константе хомяковского бытия, среди прочих их странностей эта оказалась еще не самой примечательной. И вдруг роды...

Отчего счастливый отец, наконец-то дождавшийся пополнения семейства, непременно желает присутствовать при родах, я уточнять не стал. Учитывая, что за младенчику предстояло явиться на свет, оставлять процесс без пригляда не следовало. Малыш Хомяков уже в материнской утробе проявлял многообещающие задатки. Этот никак не желавший родиться паршивец повадился в последние годы телепатически общаться с окружающим миром, причем демонстрировал незаурядные ментальные способности, весьма вредный характер и семейную склонность к далеко не безобидным шуткам.

И отчего старших детей не стоило оставлять без пригляда, спрашивать тоже не стоило. Фантазия у них богатая, такого натворят – долго расхлебывать придется.

Короче говоря, я доложил о ситуации боссу и получил освобождение от всех дел на ближайшие сутки ради местной командировки в Спасовку. А вот выторговать отгул не удалось, как я ни напирал на то, что общение с Хомяковыми меня безмерно выматывает. ЛБ был неумолим: два выходных достаточный срок, чтобы оклематься и прийти в себя (на мою беду, исторические роды начались в четверг).

В результате я теперь сидел в хомяковской горнице и пытался выяснить у Рады, в чем причина ее вендетты с продавцами бензина и дизельного топлива.

– Выпей лучше чайку, – в очередной раз предложила Рада, кивнув на самовар.

Я в очередной раз помотал головой. Попробовал однажды, хватит. «Чаем» Хомяковы именуют сложную, многокомпонентную смесь растительного происхождения, – заваренная, она способна вызвать у непривычного человека множество последствий, из коих яркие, не отличимые от реальности галлюцинации еще самые безобидные.

Отказавшись от сомнительного угощения, я вернулся к нашим баранам. В смысле, к бензозаправкам. Но разговор шел по кругу: мадмуазель Хомякова упорно настаивала на естественных причинах возгораний. И предлагала сменить тему. Потеряв терпение, я спросил напрямую:

– Скажи попросту, без уверток: ты как-то причастна к этим пожарам? Да или нет?

– Нет, – отрезала Рада.

Дзиньк! – с хрустальным звоном моя версия рассыпалась на осколки. Дело в том, что у Рады много недостатков, но лживость к их числу не относится. Она не врет. Вообще никогда. Или не умеет, или считает ниже своего достоинства. Увертки, недомолвки, полуправда, – сколько угодно, но прямой лжи я от нее никогда не слышал. Разумеется, все когда-то случается в первый раз, но сейчас не тот случай, что-

бы ломать жизненные установки: ничего серьезнее словесной выволочки мадмуазель Хомяковой с моей стороны не грозило...

– Может, это Мелкий резвился? – спросил я безнадежно.

Будислав, более известный под прозвищем Мелкий, – младший брат Рады. Выглядит он как двенадцатилетний парнишка (все десять лет нашего знакомства выглядит) и семейное чувство юмора унаследовал в полной мере, но проявляется оно иначе, чем у сестрицы, – в пироманских выходах Мелкий до сих пор замечен не был, у него другие традиционные приколы. Но иных кандидатур на роль поджигателя у меня не осталось...

Не знаю, знакома ли Рада со статьей Конституции, позволяющей не свидетельствовать против себя и близких родственников, но воспользовалась ей в полной мере, ответив:

– А что я-то? У Мелкого и спрашивай...

Спросил бы, разумеется, но Мелкий опять где-то шлялся. Я вдруг понял, что давненько не встречался с Хомяковым-младшим (впрочем, в свете назревающего события ему предстояло в ближайшие часы стать Хомяковым-средним). Месяца три не виделись, с марта. Вечно он, если верить родне, был где-то поблизости, но на глаза не попадался.

– Он вообще дома бывает?

– Иногда, по настроению, – беззаботно ответила Рада. – Переходный возраст, понимать надо... Сам, небось, таким же был в его годы.

Шутница... Таким, как Мелкий, я не был никогда. И едва ли таким стану, даже если доживу до его лет.

– Может хоть сегодня заявится ночевать?

Рада молча пожала плечами. Зато в разговор вступил третий собеседник, до той поры безмолвный.

– Извините, что вмешиваюсь, – прозвучал женский голос с моего запястья. – Но по моим расчетам, вскоре произойдет пятый пожар. Возможно, этот факт покажется вам небезинтересным.

Мадмуазель Хомякова при этих словах скривилась так, словно я незаметно плеснул в ее «чаек» толику уксусной эссенции. Поставила стакан на стол и неприязненно заявила:

– Мне вот другое интересно: ты вообще-то противоударная? И влагоустойчивая? Ежели невзначай в колодец булькнешь, я тебя больше не услышу?

Дана продолжила, игнорируя хомяковский наезд:

– Загорится заправка «Балтнефтепрома», находящаяся в четырех километрах семистах тридцати метрах от нашей текущей локации. Возгорание случится сегодня, в двадцать три ноль ноль, плюс-минус полчаса.

* * *

Дана – мои самообучающиеся «умные часы». Именные, полученные шесть лет назад от щедрот Биг Босса за филиппинскую операцию ОСВОДА – первую, чей план я самолич-

но разработал и сам же руководил его выполнением... За годы нашего знакомства Дана самообучилась всевозможным вещам, не описанным в рекламных проспектах, – прямо скажем, до обретения личности обучилась. И некоторые черты этой спрятанной в микросхемах личности меня раздражают несказанно.

Занудное резонерство Даны я еще как-нибудь пережил бы. Но она, например, научилась врать – причем для моего, как утверждает, блага. Научилась ревновать – причем не к кому-нибудь стороннему, а к законной супруге. Научилась саботировать некоторые мои приказы, устраивая самые настоящие итальянские забастовки, – вроде и работает, а результата нет как нет.

Иногда, разозлившись на Дану, я угрожаю отформатировать ей память и начать процесс обучения заново, с учетом всех ошибок. Но, разумеется, никогда этого не сделаю. Да и смысла особого нет – она дважды в сутки копирует все изменения в своих файлах и программах в некое секретное местечко, укрытое в недрах Интернета, – быстро восстановится вместе с занудством, ревностью и прочим...

Однако при всех своих отрицательных качествах болтать попусту Дана не станет. И меня крайне заинтересовало ее предсказание пожара, сделанное к тому же с точностью до получаса. Сам я в датах происшествий никакой закономерности не углядел. И других закономерностей, кроме географической близости к резиденции Хомяковых, не отметил.

Тот факт, что все АЗС принадлежали «Балтнефтепрому», посчитал случайностью, – эта компания владеет достаточно обширной сетью заправок в Ленинградской области.

Но почему, ктулху побери, Дана проанонсировала пятый пожар?! Еще одна бензозаправка никак не могла сгореть незамеченной... Или она что-то напутала (а такого с ней по определению не случается), или самообучение порадовало новым сюрпризом: заразилась от Хомяковых их чувством юмора.

* * *

Неясности прояснились достаточно быстро. Оказывается, Дана прямо сейчас, в ходе разговора, попыталась – как и я недавно – отыскать какие-нибудь закономерности в якобы случайных возгораниях. Но копнула поглубже: проанализировала все пожары, случившиеся в Гатчинском районе за последние месяцы.

...Горела не автозаправочная станция. Горел склад. На экранчике с диагональю полтора дюйма разглядеть подробности было затруднительно, но Рада, поворчав для приличия, вытащила из какой-то захоронки ноут и позволила воспользоваться его экраном. И мы с ней вдвоем полюбовались, как пламя охватывает громадный уродливый ангар, обшитый шифером.

Длился найденный Даной в ютубе ролик чуть больше де-

сяти минут, но ничего особо познавательного не принес. Пожар как пожар, разве что шиферные стены и крыша добавили зрелищности, – нагреваясь, начали буквально-таки взрываться, разбрасывая во все стороны осколки. Именно так ведет себя шифер в огне, о чем я и мои друзья детства прекрасно знали и не раз использовали в мальчишечьих проделках.

Очень скоро от стен мало что осталось, но разглядеть сквозь детали каркаса, что хранилось на складе, не удалось, все было затянуто дымом. Название ролика скупо информировало, что любимея мы пожаром на складе АО «Славянка», случившимся почти месяц назад. А именно это сельхозпредприятие стало наследником совхоза «Красная Славянка», и на их землях испокон веку обитали Хомяковы.

Ролик закончился, причем процесс тушения пожара, если такой и случился, остался за кадром, – едва лишь стены и крыша перестали фонтанировать обломками шифера, оператор прекратил снимать.

– Это здание стоило спалить хотя бы из эстетических соображений, – сказал я по завершении сеанса. – Но какая здесь связь с бензоколонками? Нефтепродукты на складе не хранились, точно вам говорю. Иначе полыхало бы совсем иначе.

– Не было там ни бензина, ни соляры, – подтвердила Рада. – Торфяные удобрения там лежали, каркасы деревянные для теплиц, еще ерунда всякая...

Я подозрительно глянул на нее: откуда, дескать, такая точ-

ная информация? Но докапываться не стал, – в деревне сарафанное радио работает куда эффективнее, чем в городе. Лишь заметил:

– Повезло, что удобрения торфяные. Был бы такой ангар набит аммиачной селитрой, могло рвануть так, что половину Спасовки снесло бы... Но я все-таки не понимаю, Дана, – в чем ты видишь связь с пожарами бензозаправок?

– Сейчас и ты увидишь, – пообещала Дана. – Все очень просто: в нужном месте с допустимой погрешностью не оказалось АЗС. И сожгли то, что подвернулось. Смотрите...

На экране возник кусок карты-километровки с изображением Спасовки и окрестностей. Пять точек были обведены кружками – четыре красными, одна синим.

Та-ак... С тремя точками в красных окружностях все понятно: три бензоколонки, ставшие предметом разговора. Четвертая точка, надо полагать, отмечала тот самый склад, бесславную гибель которого мы только что наблюдали. Кружки обозначали вершины правильного пятиугольника, – соединить из непересекающимися линиями и получится «Знак качества» времен моего октябрятского детства. А если пересекающимися – пентаграмма, в просторечии пятиконечная звезда.

Но сами точки внутри кружков располагались произвольно: одна находилась почти по центру, другие жались к краям. Допустимая погрешность, о которой говорила Дана? Большая погрешность, кстати, не менее полукилометра... Не по-

догнала ли моя электронная соратница задачку под ответ?

– В синем кружке очередной «Балтнефтепром», которому якобы предстоит вспыхнуть сегодня? – уточнил я.

– Именно он, – подтвердила Дана.

– Ладно, с местом относительно понятно... Но как ты вычислила время нового поджога?

– Очень просто...

Карта исчезла с экрана, сменившись формулами и графиками, и немедленно выяснилось, что под словом «просто» мы с Даной понимаем абсолютно разные вещи. Я очень быстро запутался в ее выкладках, завязанных на числа Фибоначчи, на фазы Луны и статистическое распределение с хитрым названием, которое я никогда не слышал и тут же позабыл. Заумная и наукообразная ахинья какая-то, с этакой арифметикой можно вычислить из любых исходных данных любую желательную цифру.

В поисках поддержки я взглянул на Раду, уверенный, что и она ничего не поняла. Но мадмуазель Хомякова вообще не слушала объяснения – сидела мрачнее тучи, глубоко погруженная в свои мысли.

Затем пришла к какому-то решению: встала, захлопнула ноутбук.

– Поехали, – сказала Рада зло и решительно. – Прикроем этот цирк, а клоунам натянем глаз на жопу.

– Зачем? – спросил я.

И действительно – зачем? Акциями «Балтнефтепрома»

я не владею, а если кто-то решил потеснить кампанию на рынке топлива такими далеко не цивилизованными методами, – мое дело сторона.

А если все серьезнее и кто-то действительно проводит ритуал Огня, – так это вовсе не моя стихия, я «водник». И в игрища Сил мне вмешиваться совсем не по чину... Доложить немедленно боссу, да и дело с концом.

– Поехали, – настойчиво повторила Рада. – Это последняя заправка в округе. Сгорит – и куда мне за бензином мотаться прикажешь?

Звучало логично, но отчего-то я ни на миг не поверил в этот ее мотив...

Глава 2. Клоуны не нашего цирка

Согласился заняться охотой на «клоунов» я лишь для того, чтобы не выпускать Раду из вида, – кто знает, какие охотничьи методы предпочитает эта взбалмошная особа. Вполне возможно, что браконьерские и опасные для окружающих.

Сам я никаких результатов не ждал: если Дана не ошиблась в своем предсказании, полюбуемся еще одним пожаром, на сей раз живую. Глупо думать, что, вопреки обыкновению, «клоун» самолично заявится на АЗС с пылающим факелом, или с фосфорно-термитной гранатой, или с чем-то еще в том же роде... Наверняка все произойдет, как в прошлых эпизодах: сцепление маловероятных случайностей – и готово дело, звоните в пожарную охрану. Я бы вызвал пожарных заранее, так ведь не поедут, пока действительно не полыхнет...

Но Рада, как выяснилось, успела продумать план действий, рассчитанный на поимку поджигателей, действующих дистанционно.

– Запустим дрона, пусть летает кругами. Издали никто заправки не поджигал, я бы просекла эту фишку.

Хм... Может сработать. Но не факт, что сработает. Если мы имеем дело с пирокинезом, так он действительно применим лишь на расстоянии прямой видимости и засечь поджигателя будет нетрудно. Однако существует великое множе-

ство иных способов поджога на расстоянии, и я не уверен, что Рада в состоянии «просечь» любой из них. В обратном тоже не уверен – о многих способностях милой семейки я узнавал лишь после того, как они применялись...

– Подожди, сейчас схожу за дроном, – сказала Рада, когда мы вышли на крыльцо и пошагала куда-то на задний двор.

Любопытно... До сих пор я никогда не видел у Хомяковых современных технических устройств и считал, что как-то они привыкли обходиться без них. А тут вдруг отыскался в заначке ноутбук, да еще и беспилотник в хозяйстве имеется. Даже самый простенький квадрокоптер с видеокамерой я никак не ожидал здесь обнаружить...

И правильно не ожидал. Как вскоре выяснилось, слово «дрон» в речах мадмуазель Хомяковой надо было понимать как имя собственное, и носил это имя огромный иссиня-черный ворон, принесенный Радой.

– Знакомьтесь: Дрон, это Дарк. Дарк, это Дрон, трогать его не надо, клюется.

Ворон, нахохлившись, сидел на ее согнутой руке, и никакой радости от знакомства не проявлял. Клюв у ворона был длинный, острый, не располагающий к тактильным контактам.

Ни малейшего подозрения такой «беспилотник», парящий в небе, ни у кого не вызовет. Но вот как мы сможем понять, что он разглядел сверху? Оставалось надеяться, что Рада знает, что делает.

Тем временем она подняла крышку колодца, крикнула, склонившись над срубом:

– Дедуля, я уезжаю, ты остаешься на хозяйстве!

Снизу послышалось нечленораздельное бульканье, потянуло резким запахом аммиака. Рада удовлетворенно кивнула и вернула крышку в прежнее положение.

Ни разу мне не довелось увидеть Хомякова-дедушку, свое убежище он принципиально не покидает. Но что-то мне подсказывало, что оно и к лучшему, никаких приятных впечатлений близкое знакомство не доставит.

– Поехали, – сказала Рада и я галантным жестом распахнул перед ней переднюю дверь своего «Дискавери».

* * *

До апогея питерских белых ночей оставалось три недели, и в одиннадцатом часу вечера света хватало, чтобы разглядеть в вышине все маневры Дрона, наматывавшего вокруг бензозаправки круги с постепенно расширявшимся радиусом. Больше заняться мне было нечем, только уныло следить за вороном, – его глазами в нашей паре могла смотреть лишь Рада. Не скажу, что такое распределение ролей мне нравилось, но выбирать не приходилось.

Время шло, предсказанный Даной срок приближался, до него оставались считанные минуты. Ничего не происходило. АЗС стояла целая и невредимая, временами к ней подъезжа-

ли машины – не слишком часто – заправлялись и уезжали. Рада все так же сидела с закрытыми глазами на травянистом пригорке рядом с «Дискавери». Все так же кружил в небесах ворон. Бесплодно созерцать полет Дрона надоело, да и шея заболела от постоянного задиранья головы.

Зря мы все затеяли... Слишком большие допуски и погрешности в выкладках Даны, и в конечном результате ошибки наверняка суммировались и перемножались... Боссу все равно надо доложить о неудачной попытке, – возможно, он посчитает нелишним установить здесь постоянное наблюдение... Но это уже без меня.

Время перевалило за одиннадцать – десять минут прошли после предсказанного срока, двадцать... А потом и полчаса, названных в качестве допустимой погрешности, миновали. Едва на экранчике появилась заветная цифра, я хотел сказать Раде: «Поехали обратно, цирковое представление на сегодня отменяется». Даже рот раскрыл, но произнести ничего не успел, – Рада вскочила, словно подброшенная пружиной.

– Есть!!! Вон там! Видишь кучку берез? Да нет, левее смотри... Под ними он, гаденыш!

Находились мы в стороне от АЗС, метрах в трехстах. Здесь имелся съезд с дороги, и мы изображали – не знаю уж, удачно или нет, – парочку, утомленную автопутешествием, решившую передохнуть, размять ноги, посидеть на травке... Возможно, «клоуна»-поджигателя наша маскировка не обманула, или же так получилось случайно, – однако позицию

он выбрал максимально от нас удаленную, с другой стороны от заправки. Там к территории АЗС примыкала кустистая пустошь, над которой кое-где высились небольшие купы деревьев, – под одной из них, по словам Рады, «клоун» и затеял свое вредительское предприятие.

Мигом оценив диспозицию, я отбросил идею забега по пересеченной местности. Далековато, можем не успеть, кто знает, сколько ему надо времени, чтобы сделать свое черное дело... И я метнулся за руль, крикнув Раде, чтобы тоже не мешкала, садилась в машину.

Она хлопнулась на соседнее сидение и тут же снова закрыла глаза. Я вырулил на шоссе, газанул, тут же резко затормозил, повернул и влетел на территорию АЗС так, словно заправиться либо нет было для меня вопросом жизни и смерти.

За время короткого спурта успел лишь спросить у Рады:
– Сколько их?

Оружия у меня с собой не было, не люблю без надобности таскать ствол в кармане. И даже монтировка или бейсбольная бита под сиденьем не лежит.

– Один, – коротко ответила Рада. – Не человек, кстати...

* * *

Даже если «клоун», увлеченный своим занятием, не обратил внимания на «Дискавери» с визгом покрышек остано-

вившийся невдалеке от заправки, то его наверняка спугнул наш бег через кусты, – чем дальше, тем растительность становилась гуще, и таранили мы с Радой ее шумно, как кабаны подлесок.

Короче говоря, небольшая полянка под березами оказалась пуста. Вернее, не совсем: на траве стоял небольшой, в коробке из-под торта разместится, макет АЗС, выполненный тщательно, с большой точностью. И еще какие-то мелкие аксессуары валялись, но я к ним не приглядывался, – познакомиться с хозяином казалось в тот момент гораздо важнее.

Далеко он не ушел, не успел. Не требовалось вновь привлекать авиаразведку в лице Дрона – совсем невдалеке слышались те же звуки, что издавали и мы, проламываясь сквозь кустарник.

Я метнулся в ту сторону. Рада замешкалась – возможно, занялась обезвреживанием «зажигательной бомбы», если макет действительно мог применяться в таком качестве... Но я не оглядывался, погоня дело азартное.

В той стороне, куда стремился беглец, местность резко понижалась, невдалеке был берег Славянки, небольшой речушки, впадающей в Неву. Однако тот факт, что бежать приходилось под горку, ничуть быстроте погони не способствовал: чем ближе к воде, тем кусты становились гуще, продираться сквозь сплетения ветвей приходилось все с большим трудом. Беглец же, судя по производимым звукам, значительно уступал мне габаритами и куда легче просачивался

сквозь зеленые джунгли. Сзади тоже послышался треск- Рада вновь присоединилась к погоне.

Берег был совсем рядом, даже чувствовался запах воды, но стена кустов стала вовсе уж непроходимой, – пришлось огибать заросли, теряя время. Что сделает беглец, упершись в Славянку? Изменит направление и побежит вдоль реки? Или вплавь форсирует водную преграду? В любом случае кусты сейчас закончатся, а противоположный берег голый, там болотистая луговина, – и я наконец увижу, за кем мы гонимся...

Стремительно метнулся вниз Дрон. Оттуда, где продирались сквозь последние перед речкой преграды беглец, послышалось карканье, хлопанье крыльев, и еще какой-то звук – нечто среднее между детским плачем и воплем зажатой дверью кошки. А ведь наш «беспилотник» не просто наблюдатель, но и вполне себе боевой дрон...

Я тем временем отыскал в прибрежном тальнике не то чтобы лазейку, но чуть более редкое сплетение ветвей. Но сунуться туда не успел – мимо меня в сторону Славянки метнулось нечто темное, непонятное – существо со среднюю собаку размером, но с другими, вытянутыми пропорциями.

Рада...

Трансформировалась...

Обычно она использует свои таланты полиморфа в целях хулиганских и вредительских, но однажды серьезно меня выручила, приняв облик акулы. Кем она стала сейчас, я не разо-

брался. Не то росомаха, не то гигантская выдра... В любом случае протискиваться сквозь заросли в таком облике значительно легче.

Я уже видел впереди узкую полосу берега, свободную от осточертевшего кустарника, заросшую лишь жесткой осокой, когда услышал впереди громкий всплеск. После короткой паузы второй. Сообразил: беглец отбился от ворона и бросился в воду, Рада последовала за ним.

Ну наконец-то! Чистое место...

Левее осока была вытоптана, там же чернели разбросанные вороны перья. Похоже, нашему пернатому помощнику досталось на орехи.

Так и есть... Дрон лежал неподвижно, шея изогнута под углом, невозможным для живой птицы. Отлетелся...

На другом берегу, открытом для взгляда на большом протяжении, никого не видно, – ни «клоуна», ни преследующей его Рады. Зато в речке – узенькой, метров пять-шесть ширины, но достаточно глубокой, – что-то происходило: по поверхности расходились волны. Погоня завершилась подводной схваткой.

Нырнуть, помочь Раде?

Я сильно сомневался, что смогу ей помочь в своем человеческом облике. А вторая моя ипостась – безмозглая подводная тварь, атакующая все съедобное – нуждается в жестком ментальном контроле со стороны.

Возмущения воды стихли. Вглядываясь в воду, я пытал-

ся понять, чем закончилось дело. Но рассеянный свет питерской белой ночи не позволял ничего разглядеть.

– Дарк! – раздался голос. – Помоги вытащить!

Рада бесшумно вынырнула под самым берегом, выставила из воды голову уже вполне человеческого вида.

– Ты его взяла?

– Взяла, взяла... Да только он теперь разве что на чучело годится... Или вашим яйцеголовым на опыты.

Она начала приподнимать над водой нечто странное, головастое, больше всего напоминающее десятидневного человеческого эмбриона, выросшего до размера семилетнего ребенка, но умудрившегося сохранить и внешний вид, и пропорции тела.

Рада вновь погрузилась в воду, зло прошипев:

– Ну что вылупился-то, а? А еще женатый человек... Вот что, сгоняй-ка ты сначала за моими шмотками, они там, под березами, остались.

Я не стал оправдываться и говорить, что формально все еще не женат. И спрашивать, как бы смог помочь ей вытащить уродца из воды, глядя в другую сторону, тоже не стал. Молча пошагал обратно, за одеждой мадмуазель Хомяковой.

– И кроссовки захвати! – крикнула она в спину.

* * *

Видно было, что раздевалась Рада в жуткой спешке, вещи

разлетелись по всей крохотной полянке.

Я подобрал кроссовки, джинсы и куртку-косуху, отыскал футболку, отлетевшую далеко в сторону, призадумался над вопросом: носит ли Хомякова-младшая нижнее белье? – поблизости ничего похожего не видно...

И тут подозрительный запах заставил выпустить собранные вещи из рук. Я прыжком развернулся – так и есть, над макетом поднимался столбик черного дыма, а заправочный автомат номер три, уменьшенный в масштабе сто к одному, охватило пламя – маленькое, словно игрушечное.

Никто «зажигательную бомбу» не разрядил и она сработала-таки в заданный срок.

Быстрый взгляд на АЗС – там все оставалось тихо и спокойно. Может, еще не поздно отменить большой пожар? Была бы поблизости хоть какая лужица – швырнул бы туда макет, не задумываясь. Однако луж не видно, и в небольшой, заплывшей воронке, по краям которой росли березы, тоже сухо.

Вновь подхватил куртку Рады, взмахнул, пытаясь сбить пламя, – бесполезно, лишь сильнее полыхнуло. На мгновение задумался: может, воспользоваться содержимым мочевого пузыря? – но повторить подвиг брюссельского мальчика, увековеченного в виде статуи-фонтана, не успел. Со стороны АЗС раздался громкий взрывообразный хлопок, и я увидел третий заправочный автомат, – большой, настоящий, – охваченный огнем...

Одновременно с макетом тоже произошло неладное. Под ним словно вы взорвалась подземная емкость с горючим, хотя никакой емкости под плоским днищем игрушки быть не могло. Теперь пылала все миниатюрная заправка, к макету было уже не подступиться.

Ктулху побери!

«Дискавери»!

На макете модельки машин, разумеется, отсутствовали. Но часть макета, изображающая то место, где я припарковал внедорожник, уже охвачена пламенем. Не успеть, не добежать, не отъехать.

Я понял, что через несколько секунд машины у меня не станет, а завтра начнется долгий квест по взысканию денег со страховой компании. Разве что...

– Дана! Сможешь отсюда взять управление на себя?

– Попробую...

Дистанционно управлять автомобилем ей не в новинку, но опытов на таком большом расстоянии мы никогда не ставили. Я вытянул левую руку над головой и даже приподнялся на цыпочки, словно несколько лишних сантиметров могли помочь делу.

Получилось!

Внедорожник тронулся с места, покатил, все более ускоряясь. И тут АЗС рванула по-серьезному. Пылающие обломки полетели во все стороны, один из них, кажется, легонько зацепил «Дискавери», – но охваченную огнем зону маши-

на успела покинуть, вырулила на трассу. Отделались малой кровью...

– Я там чуть грыжу не заработала, этого засранца из речки доставая, а Дарк тут как в театре на пожар любитесь! – прозвучал за спиной злой-презлой голос Рады. – Нет уж, теперь смотри до конца, не оборачивайся, дай одеться.

* * *

Похоже, я поспешил, решив, что вся история не имеет отношения к ОСВОДу и моим служебным обязанностям. Тварь-поджигательница была водной...

– Какой-то гибрид человека и головастика, – сказал я, разглядывая лежавшее на траве создание, мокрое и облепленное водорослями.

– Угу, – подтвердила Рада.

Одежды на «клоуне» не было, рассмотреть детали анатомии ничто не мешало. Конечности маленькие, по людским меркам недоразвитые, – даже удивительно, что так шустро бегал на своих коротеньких ножках с перепонками между пальцами. На верхних конечностях перепонки не было и ладошки в первом приближении смахивали на человеческие, имели по пять хорошо развитых пальцев.

А еще странное создание имело хвост – не длинный, но явно не рудиментарный: мускулистый, сплюснутый с боков, вполне функциональный для плавания в воде и под водой.

Голову гибрида – непропорционально огромную, безволосую – покрывали свежие раны, наверняка там поработал клюв покойного Дрона. Шея в районе загривка была перекушена, перегрызена, – и те, и другие раны уже не кровоточили.

Рот существа можно было смело назвать пастью – самого лягушачьего вида, от уха до уха (фигурально выражаясь, ничего, напоминающего ушные раковины, уродец не отрастил). Осторожно, – ну как оживет и цапнет? – я оттянул верхнюю губу, подозревая, что этакая пасть непременно оснащена соответствующим комплектом клыков. Ошибся: мелкие многочисленные зубы с плоскими вершинами для охоты и обороны были непригодны, и наверняка служили лишь для перетирания пищи.

– Скорее даже гибрид человека и гигантской саламандры, – выдвинул я еще одну версию. – В общем, что-то земноводное...

– Угу...

Мне показалось, что Рада меня толком не слышит. И прекрасно знает, что за существо прикончила, но делится знанием не спешит. Но и без того ясно, что версию о борьбе за передел рынка топлива можно смело сдавать в утиль. Едва ли конкуренты «Балтнефтепрома» смогли бы притащить откуда-то из Миров неведомую тварь, – а были бы на такое способны, не стали бы размениваться на примитивные диверсии.

Ладно, сюда уже едут специалисты из службы Лернейской. Заберут и изучат существо, и, возможно, смогут отыскать путь, лазейку, через который «клоун» просочился к нам. Ну а мне достанется на орехи от г-жи вице-директора за то, что не смог обеспечить живой экземпляр... Но все же рассчитывать на благодарность в приказе у меня есть кое-какие основания. Небольшие, прямо скажем: поджигателя мы не захватили, пожар предотвратить не сумели. А с другой стороны, все могло обернуться хуже: поджог попал бы лишь в сводки МЧС по району и остался бы для Института незамеченным.

Хотя, по справедливости, все лавры причитаются Дане... Но чьи это часы, в конце концов?

Едва я так подумал, Дана, легка на помине, мелодичным звуком известила о поступившем сообщении. Неужто босс спешит поздравить?

Но нет, СМС-ка пришла от Хомякова-старшего и состояла из одного слова: «Мальчик!!!». Мог бы ограничиться просто восклицательным знаком, гендерная принадлежность младенчика и без того много лет известна...

– Ну вот... – расстроено произнесла Рада, узнав о пополнении семейства. – А я такой зачетный фейерверк приготовила, чтобы сразу запалить, как родится...

– Хватит на сегодня пиротехнических шоу, – кивнул я на догоравшую АЗС, вокруг которой суетились многочисленные пожарные, подкатившие к шапочному разбору. – Хорошего помаленьку.

– Что ж тут хорошего? Где я теперь бензин покупать буду?

– Поездишь на дальнюю, пока эту восстановят... – сказал я рассеянно.

В тот момент я не подозревал, что «Балтнефтепрому» не суждено заняться восстановлением своей поредевшей сети заправок, что у акционеров, руководства и высшего менеджмента компании как раз в этот момент появились на горизонте большие проблемы...

И это не метафора – в полном смысле появились на горизонте.

Глава 3. Первая ночь лета

«Балтнефтепром» был дочерним предприятием крупнейшей нефтегазовой корпорации.

Вопреки названию, дочка не двинулась по родительским стопам, не пыталась добывать нефть или газ на шельфе Балтийского моря. Продажа топлива через сеть расположенных в Ленобласти заправок была побочным приработком, вообще-то дочка занималась производством оборудования для буровых платформ, а конкретно сейчас, в первую летнюю ночь, праздновала свое семнадцатилетие.

Дата не круглая, отмечали скромно: под две с половиной сотни сотрудников и приглашенных гостей. А неприглашенные заявиться не могли – торжество проходило на борту круизного теплохода «Котлин». Собственно, число гостей определялось именно его вместимостью, и работяги из цехов «Балтнефтепрома» отметили день рождения компании куда скромнее и на берегу, а на борту собралось руководство и менеджмент (некоторые, но не все, – с мужьями и женами).

Празднование не предполагалось как тупая пьянка на теплоходе, стоящем у причальной стенки или курсирующем неподалеку от города по Маркизовой луже. Предстоял двухдневный круиз к Аландским островам, с небольшой экскурсионной программой и прочими туристическими мероприятиями.

«Котлин», построенный в Германии тридцать лет назад, не мог потягаться с громадными круизными лайнерами вроде «Куин Мэри II» – с ее двумя с половиной тысячами пассажирских мест, с ее пятью ресторанами, с барами, бассейнами, кинозалами... и с размерами, превышающими габариты легендарного «Титаника».

Однако для нужд двухдневного корпоратива услуг и удобств, предоставляемых «Котлином», должно хватить. Так полагал Дима Савич, тридцатилетний пассажирский помощник капитана (паспом), месяц назад назначенный на эту должность. Его двоюродный дядюшка, по странному совпадению трудившийся в «Балтнефтепроме» заместителем генерального, намекнул: если все пройдет удачно, сотрудничество будет продолжено. Но, важный момент, без заключения договора на постоянное обслуживание. То есть будет считаться, что он, Дима Савич, каждый раз приводит богатого корпоративного клиента, а за это от судовладельцев полагались более чем щедрые премиальные...

Перспективы вдохновляли. И Дима очень старался, чтобы все прошло удачно. Выкладывался, буквально из кожи лез, – и пока получалось, невзирая на малый стаж в новой должности.

Сегодняшний банкет, тьфу-тьфу-тьфу, завершился без эксцессов. Дима заранее произвел через дядю разведку: кто из гостей (из тех, кого оставить на берегу никак нельзя), способен, подвыпив, что-нибудь этакое учудить и отчебу-

чить... Потенциальные бузотеры оказались под удвоенным присмотром, и двое из них уже были отправлены отсыпаться в каюты, вежливо, но непреклонно.

Завтра будет легче. На экскурсию по Аландам – по кусочку Швеции, оказавшемуся сначала в составе России, а затем Финляндии в результате военных и политических превратностей минувших веков, – отправятся, наверное, немногие, те, кто не слишком налегает сейчас на общение с фужерами и рюмками. И никаких неприятностей в тихом провинциальном уголке ждать не приходится. Осмотрят средневековый замок Кастельхольм, прогуляются по руинам форта Бомарсунд, посетят маленький музей в Эккери, – а других достопримечательностей там нет. И всё – обратно, домой, в Питер...

Строил планы и предавался надеждам Дима Савич на третьей палубе. Вышел сюда вслед за небольшой группой пассажиров, покинувших банкетный зал, – одни чтобы покурить, другие, наоборот, чтобы подышать свежим морским воздухом.

Дима не стал бы их сопровождать, для такого дела имеются стюарды, во избежание нехороших случайностей приглядывающие за передвижениями не совсем трезвых гостей по судну.

Но центром притяжения группы из восьми человек был Чернопольский, все вились вокруг него. VIP-пассажир, первый вице «Балтнефтепрома», – и Дима решил, что лучше

проследить самому, ни на кого не перекладывая.

Он стоял в стороне от компании, вроде и сам по себе, но готовый немедленно вмешаться при возникновении любой проблемы. Что проблема, подплывавшая сейчас с северо-запада, слишком велика и вмешательство его не поможет, Дима Савич не подозревал.

Курящие курили, остальные просто болтали, – говорил в основном Чернопольский, прочие слушали, поддакивали, старательно смеялись его шуткам.

Первой парусник заметила спутница Чернопольского (не жена, Дима знал точно) – блондинка, вечернее платье, брюлики, тоненькая сигарета, подносимая ко рту якобы аристократичным жестом.

Уставилась на что-то вдаль, показала другим. Цель путешествия, Аландские острова, она разглядеть не могла, – до них оставалось с десяток морских миль, а белая ночь здесь хоть и светлее питерской, но все же ночь.

Дима немедленно оказался рядом.

– Не желаете бинокль?

Чернопольский пожелал, взял бинокль, прихваченный паспомом как раз для такого случая, поднес к глазам.

Дима не отошел, остался поблизости, готовый принять игрушку обратно, когда наскучит. Он и без оптики видел, что пересекающимся курсом движется парусное судно, но подробности разглядеть не мог. Да и не особо они интересовали, подробности, – эка невидаль, парусник. Савич искоса, не

демонстративно, разглядывал блондинку, подозревая, что у персоны калибра Чернопольского и женщина должна быть особенная, премиум-класса.

Блондинка разочаровала. Не дурнушка, конечно же, но ничего запредельного. Дима считал, что обладай он деньгами и положением Чернопольского, уж смог бы подыскать себе более эффектную пассию. Может, еще подыщет, построив карьеру, какие его годы... Первые шаги сделаны, и в правильном направлении, все впереди.

Пока он тешил себя такими мыслями, суда сблизилась, парусник изменил курс и двигался параллельно в паре кабельтовых. Теперь было видно, что он большой – в длину поменьше, чем знаменитый барк «Крузенштерн», с которым «Котлин» не раз пересекался в портах Балтийского моря. Но борта выше, особенно на баке и юте, – те высятся над шкафом натуральными башнями.

Корпус и рангоут свидетельствовали – парусник старинной постройки. Вернее, на самом-то деле современной, но довольно точно копирует старину. Семнадцатый век? Или восемнадцатый? Дима плохо знал историю парусного флота, в типах тогдашних кораблей не разбирался, – и не стал ломать голову.

Задумался о другом: откуда здесь взялась эта плавучая архаика? Он совершил немало круизных рейсов по Балтике (еще не в должности паспома), но никогда ничего похожего не видел.

– Умеют же делать... – вздохнул Чернопольский. – А у нас... эх... Я как-то клюнул на рекламу: рейс на старинной пиратской бригантине плюс квест на реальном острове в Ладоге... поиски клада... Видели бы вы ту бригантину... В девичестве не то рыболовный бот, не то что-то вроде того. Мачты тоненькие, фальшивые, парус на такую не поднять, тут же переломится, шли под мотором... А главное – рыбой бригантина провоняла навек, никакие освежители воздуха не спасали, едва дотерпел до острова... А этот... Красавец...

Парусник в дымке белой ночи и впрямь выглядел красиво, романтично и загадочно. Спутники блондинки и Чернопольского фотографировали и снимали на видео, а Дима все гадал о происхождении странного судна. Плавающая декорация для кино? Едва ли, той мореходные качества не нужны. Наверное, VIP-клиент прав, и отгрохали посудину для богатых туристов – квесты по мотивам приключений Джека Воробья или что-то вроде того...

– Пошли, хватит глазеть, – сказал Чернопольский, возвращая бинокль.

Само собой, после его слов не нашлось желающих далее любоваться парусником. Но никто никуда не пошел. Потому что произошло странное. Даже дикое и невообразимое, так точнее.

Вдоль борта старинного судна расцвели яркие вспышки, пять или шесть. Кратчайшее мгновение спустя долетел грохот, орудийные порты окутались клубами дыма. И почти сра-

зу звуки раздалась на «Котлине» – скрежет металла, звон стекла, и, чуть позже, – истошные вопли.

Первый залп угодил по ярко освещенному банкетному залу.

Бинокль выскользнул из ослабевших пальцев паспома, грохнулся о палубу, подпрыгнул, посыпались осколки линз. Это событие, в другое время безмерно бы расстроившее, осталось почти незамеченным. В голове у Димы Савича вертелась единственная мысль: «Так все хорошо начиналось... Так все хорошо начиналось...»

Нестерпимо хотелось проснуться.

На паруснике выпалила вторая группа орудий. «Надо залечь...» – неуверенно подумал Дима и не залег, не успел. Чугунное ядро ударило прямо в них, в группу оцепеневших спутников Чернопольского, расшвыряв в стороны. И белая финская ночь сменилась для Савича непроглядной черной.

* * *

Очнулся Дима от громкого неприятного звука. И от ощущения, не более приятного, – кто-то грубо перевернул его на другой бок и беззастенчиво ощупывал карманы.

Он открыл глаза. Увидел перед носом доски палубы. Затем его снова повернули – небрежно, словно тюк с грязным бельем. И он наконец увидел человека, проводившего с ним все эти манипуляции. Небритое лицо, одежда стран-

ная – сюртук, или камзол, или что-то еще старинное, Дима не разобрался, но какая-то невзрачная шмотка, серая и унылая, никакого сравнения с яркими костюмными фильмами. На затылок небритого типа была сдвинута шляпа, не менее странная, – с низкой тульей и узенькими полями, – а ленты, тянущиеся от нее, были связаны под подбородком.

Звук, терзавший уши, был опознан как женский визг. Он приближался, и примешивался к нему какой-то грохот.

Дима чуть повернул голову в ту сторону, увидел женские ноги, волочившиеся по палубе, – стройные, в ажурных сетчатых колготках и в одной туфельке, вторая слетела. Вечернее платье с длинным боковым разрезом сбилось на сторону, Дима его опознал... Блондинка, она и орет.

У тащивших ее пасспом тоже смог разглядеть только ноги, и примечательные, – матерчатые полосатые чулки почти до колен и деревянные башмаки. Натурально деревянные, вырезанные из цельных кусков дерева. Эта-то обувь и грохотала по палубе.

Долго пялиться в сторону ему не позволили. Небритый без церемоний ухватил Диму за лицо, повернул к себе. Сказал что-то непонятное, не на английском и не на немецком.

Видя, что его не понимают, небритый широко распахнул рот, выглядевший так, словно его владельцу забыли в детстве рассказать о существовании зубной пасты и щетки. Запах доносился соответствующий.

Небритый тыкал пальцем то в свою хлебрезку, то Диме

в губы. Тот сообразил, что от него требуют открыть рот, но не мог сообразить, зачем. Нож, появившийся у самого лица, снял лишние вопросы: да смотри, не жалко.

Выяснив, как выглядит ротовая полость человека, знакомого с щеткой, пастой и стоматологами, небритый резко погрузился. И потерял к Диме интерес, – поднялся с корточек, отошел в сторону.

Проверять, остались ли у него силы встать, Дима не стал. Лежать безопаснее. С мыслью, что карьера летит под откос, он почти смирился. Гораздо более важной и актуальной представлялась другая задача: выйти живым из этой перепрядки.

А чтобы эту задачку решить, неплохо бы понять: что происходит? Версий было немного, всего одна. Дикая, зато объяснявшая всё. Вот такая: ролевики, заигравшиеся в пиратов. Попутавшие Балтику с Карибским морем, и Аланды – с берегами Сомали.

Рядом вновь раздалась незнакомая речь. Дима повернулся туда, увидел Чернопольского. Тот лежал молча и неподвижно, вокруг кровь, много крови... Над недавним хозяином жизни стоял небритый, вертел в руках какой-то маленький предмет и, судя по интонации, сквернословил.

Попытки разнять предмет на части не удавались, небритый пустил в ход нож и лишь тогда добился своего. Одна составная часть переключалась ему за пазуху, вторая, небрежно отброшенная, шлепнулась рядом с Димой, – и оказалась от-

сеченным пальцем.

Дима закрыл глаза. Видеть больше ничего не хотелось, а хотелось вмазать с маху головой о палубу, – если спит, то проснется, если все наяву – отключится...

Потом болезненное любопытство пересилило, он снова поднял веки. Небритый увлеченно потрошил объемистый бумажник, наверняка принадлежавший Чернопольскому. Под ноги упали визитки, и банковские карты, и чья-то фотография...

А потом произошло удивительное. Дима думал, что утратил способность удивляться, что ее отрезали, пока он был без сознания, отсекли, как палец с перстнем у Чернопольского.

Оказалось, ошибался. Потому что небритый добрался в своих поисках до отделения с наличкой, но ничуть тому не обрадовался. И купюры евро разных номиналов (было их немало), и российские банкноты, и пара сереньких американских бумажек, – все полетели к палубе, но не долетели, отнесенные в сторону легким ветерком.

Зато отделение с мелочью куда больше заинтересовало удивительного грабителя. Однако интерес быстро иссяк, – осмотрев монеты и даже попробовав одну на зуб, небритый раздраженно швырнул всю горсть за фальшборт. И начал разжимать ножом зубы Чернопольскому...

По палубе вновь грохотали деревянные башмаки. Стук приближался, он не был постоянным, – перемежался пере-

рывами. Паспом приподнял голову, взглянул в ту сторону. И, разглядев, что делает человек в деревянных башмаках с лежавшими на палубе телами, Дима наконец решился: поднял голову еще выше и изо всех сил приложился ей о настил.

Глава 4. Вскрытие покажет

На службу в понедельник я прибыл минута в минуту, но в отдел попал далеко не сразу: едва прошел турникет и шагнул к лифтам, телефон заиграл «Прощание славянки» в минорной аранжировке. Именно так у меня обозначены звонки от единственного человека, от босса. Игнорировать их или сбрасывать не полагается. Принял вызов, отойдя чуть в сторонку от людской суеты, проскользнув между двумя изогнутыми колоннами желтого костяного цвета – собственно, это и была полированная кость, роль колонн играли ребра исполинского кашалота, чей скелет не то украшал, не то уродовал наш вестибюль.

– Дарк? – первым делом спросил Литл Босс.

Вопрос оказался риторическим, потому что ЛБ продолжил, не дожидаясь ответа:

– Сейчас к тебе кое-кто подойдет, кое-что передаст и кое-куда пригласит. А ты возьмешь, и пойдешь, и сделаешь все, что скажет.

Внятно, вразумительно и исчерпывающе, не правда ли? Мне, по крайней мере, фраза босса принесла немало информации. Во-первых, ясней ясного, что ЛБ знает, где я находился в момент звонка. Наверняка компьютер, собиравший информация с камер наружного наблюдения, запрограммирован сегодня на то, чтобы выделить в толпе мелькающих

лиц мужественный фас и благородный профиль Сергея Чернецова. Во-вторых, сам босс скорее всего не в институте и не наблюдает на экране за моими передвижениями, – получил сигнал о появлении подчиненного и не более того. Фраза ЛБ переполнена неопределенностями на тот случай, если ее услышат чужие уши.

Мои блестящие дедукции немедленно подтвердились.

– Я бы и сам поучаствовал в мероприятии, – сказал босс. – Но никак не успеваю, слишком много дел накопилось. Будешь моими глазами. Все понятно?

– Так точно. А ваш «кое-кто», кстати, уже появился.

– Тогда выполняй задание. До связи.

«Кое-кем» оказалась не какая-нибудь пешка, не курьер или посыльный с бейджем желтого цвета. Нет, господа, по узкому проходу между стеной и ребрами-колоннами шествовала (заполняя его целиком) Анахит Саркисовна Лернейская, вице-директор нашего института.

Вот уж не было печали...

* * *

– Да, кстати... – вспомнила Лернейская, когда мы отшагали примерно треть бесконечного коридора, змеившегося по бесконечному третьему корпусу. – Тебе Казик просил передать вот это...

Из-под складок одеяния Лернейской – по ее обыкнове-

нию бесформенного, изображающей нечто вроде фэнтезийной королевской мантии, пошитой для чрезвычайно тучного короля – показалось упомянутое ЛБ «кое-что». Причем держала она «кое-что» так, что ни единого фрагмента конечности вице-директора я не увидел. Со мной такая предосторожность излишняя (довелось однажды, в весьма критических обстоятельствах, увидеть г-жу Лернейскую, что называется, в чем мать родила), но привычка – вторая натура.

Прислал мне ЛБ наголовный обруч, украшенный камерой. Веб-камерой, надо полагать, призванной транслировать боссу все, на что упадет мой взгляд.

Повертев прибор в руках, я внимательно оглядел его со всех сторон.

– Я включила, – успокоила Лернейская. – И там все настроено. Просто надень.

Но меня интересовала не кнопка включения.

– Регистрационного номера нет, а согласно приказа не помню от какого числа пользоваться незарегистрированной видеоаппаратурой в помещениях Института категорически запрещено.

Пикантность ситуации была в том, что упомянутый приказ украшала подпись Лернейской, среди прочего она курировала внутреннюю безопасность нашей конторы. И, если следовать букве инструкции, – вполне могла сама передать мне запрещенный девайс и сама же потом применит все кары, предусмотренные за его использование. Маловероятно,

но подстраховка не помешает.

– Прибор зарегистрирован, – медленно произнесла Лернейская, остановившись и уставившись на меня нехорошим взглядом. – Номер не успели нанести.

– Под вашу ответственность, госпожа вице-директор, – сказал я, нацепив обруч и надеясь, что у босса разговор наш фиксируется.

– Раз такой крючокотвор, можешь сбегать во Второй отдел, в кабинет двести три, и получить свои заветные цифры. Но ждать никто не будет, начнем без тебя.

– Я пошутил, леди.

– Я тоже.

Дальше вновь шагали молча, и даже мыслям я старался особой воли не давать. Лернейская – сильнейший телепат, любые ментальные блоки ей нипочем. Вообще-то я чувствую, когда кто-то без разрешения пытается добраться до содержимого извилин, а сейчас ничего похожего не происходило. Но кто знает, где пределы сил и возможностей моей спутницы... Умеет она удивлять, не отнимешь.

Хотя поразмыслить было о чем... В последнее время отношения у нас с Лернейской сложились странные. Она проявляла ко мне активный интерес и ничуть его не скрывала. При этом перейти под ее начало и возглавить ОБВОД я категорически отказался, и вопрос, казалось бы, закрыт: по слухам (приказа я не видел), в осиротевшем отделе появился и. о. начальника и команда приступила к тренировкам под

его началом. Однако интерес г-жи вице директора никуда не подевался. Пару раз официально вызывала к себе, но разговоры вела далекие от службы, – что называется, «за жизнь». Еще два-три раза словно бы случайно встречалась со мной на нейтральной территории и опять-таки активно общалась...

Того и гляди пригласит вечером к себе домой, попить чайку да послушать музыку... Шутка. С кем-нибудь другим можно рассмотреть и такой вариант, мужчина я в конце концов видный. Но, как уже сказано, мне довелось увидеть Лернейскую без одежды. Принятый у людей способ близкого общения с противоположным полом ей не подходил категорически.

Литл Босс, кстати, внимательно наблюдал за всеми этими маневрами Лернейской. Но никак их не комментировал. Просто отказался разговаривать на эту тему.

Так что поразмыслить было о чем. Но я поостерегся, находясь в непосредственной близости от объекта размышлений. А потом мы пришли – и появились, причем с избытком, другие поводы призадуматься.

* * *

Маршрут нашего с Лернейской движения сомнений не оставлял: шагаем мы в Бюро экспертиз. Цель похода тоже угадать не трудно: наверняка там сейчас начали активно изучать уродца-поджигателя, доставленного с берега Славянки.

Вот только чем я смогу помочь процессу изучения? Правильный ответ: ничем. Придется сидеть и тупо наблюдать, как лаборанты орудуют скальпелями и другими инструментами, и помещают пробы на предметные столики микроскопов, и в центрифуги, и... В общем, они лучше знают, что куда помещать. В отличие от меня, мало что понимающего в их делах. Уж можно было бы приспособить под «глаза ЛБ» какую-нибудь камеру без живого носителя.

Как вскоре выяснилось, кое в чем я ошибался. В Бюро не приступили утром понедельника к исследованию нашего человека-головастика, – оно только что завершилось, полное и комплексное, не просто банальное вскрытие. Любопытно... Значит, яйцеголовых бедолаг выдернули из их законного отдыха и заставили пахать весь уик-энд в три смены. Причем вице-директорских полномочий для организации такого аврала не хватило бы. Значит, дело посчитал крайне срочным и важным сам Биг Босс. А то, чем ктулху не шутит, и сам тот, о ком говорить не принято...

...Результаты двухдневных трудов последовательно выводились на большой экран, и я повернул обруч так, чтобы камера фиксировала всю эту мешанину формул, графиков, таблиц, диаграмм и сильно увеличенных снимков непонятно чего (не знаю уж, что в них поймет ЛБ, для меня – полнейшая абракадабра). А сам смотрел на профессора Погорельского, – тот сопровождал видеоряд своими комментариями, причем по просьбе Лернейской старался употреблять

как можно меньше высоконаучных терминов.

Начал профессор с преамбулы, мало относящейся к тому, что мелькало на экране: поведал нам, что земноводные растут всю свою жизнь и не имеют установленных эволюцией пределов роста. Рыбы и пресмыкающиеся отличаются тем же, но в отличие от них родственники лягушек и тритонов по мере взросления кардинально меняют внешний вид и строение, проходя порой до десяти и более стадий в своем развитии. Некоторые промежуточные формы способны к размножению, и порой размножаются, так и не выходя на следующую ступень жизненного пути из-за каких-либо неблагоприятных внешних условий.

Причем, что характерно, жизнь и крохотной современной лягушки, и здоровенной ископаемой амфибии-стегоцефала начиналась одинаково – с крохотной оплодотворенной икринки, диаметр которой почти не зависел от окончательных размеров особи.

Затем Погорельский вернулся к существу, развернувшему натуральный террор против бензозаправок. И растолковал: есть все основания полагать, что на анатомический стол угодил как раз представитель такой промежуточной стадии развития амфибий. Личинка, но способная к размножению. Многие признаки, зашифрованные в весьма развитых и сложных хромосомных цепочках существа, никак не проявляются в его нынешнем облике.

Вариант, что перед нами конечный продукт развития, а

признаки относятся к миновавшим стадиям, представляется маловероятным, потому что... Здесь, каюсь, я утерять способность следить за логикой рассуждений: вопреки обещанию, профессор сбился на высоконаучный жаргон, и примерно каждое третье слово в его объяснениях я не понимал. И откровенно скучал. Лернейская слушала молча, вопросов не задавала. Насколько глубоко она разбиралась в предмете разговора, осталось для меня загадкой.

Затем профессорские речи вновь стали понятными. И даже весьма интересными. Оказывается, исследуемый экземпляр по всем признакам принадлежал к классу земноводных, да только не земных. В нашем мире истинный гермафродитизм наблюдается из всех классов позвоночных лишь у рыб. А существо со Славянки оказалось гермафродитом в чистом виде: могло размножаться или с партнером, причем выступая хоть в мужской роли, хоть в женской. Или могло без затей оплодотворить собственную икру, наплотив несколько тысяч своих генетических близнецов, по сути клонов.

И вот тогда-то Лернейская проявила интерес, причем нешуточный.

– В каком состоянии половые органы? – быстро спросила она, перебив профессора на полуслове. – Оно давно размножалось? И когда примерно ожидался бы следующий брачный период?

Мне тоже стало не по себе от возможных перспектив:

несколько тысяч крохотных (поди-ка отличи беглым взглядом от заурядных головастиков), но быстро растущих личинок...

Профессор объяснил: мужская часть у Славянского головастика, судя по всему, всегда находилась в боевой готовности, сперматозоиды вырабатывались постоянно. А вот яйцеклетки, проще говоря икра, очень далеки от зрелости. Новая партия едва начала развиваться в организме. Есть основания полагать, что последний раз существо размножалось около месяца назад, плюс-минус неделя.

Мы с Лернейской переглянулись, и, наверное, мой взгляд был полон неизбывной тоски... Потому что кто будет отлавливать всю земноводную ораву? Уж не госпожа вице-директор, понятное дело. Даже если утки, чайки и хищные рыбы значительно проредят эту армию, на выходе получится несколько сотен копий нашего знакомого... А он и один сумел натворить немало. Если, конечно, действовал в одиночку и все пожары – дело лишь его лап.

– Этот экземпляр съедобен для нашей фауны? – спросила Лернейская и я понял, что наши мысли движутся параллельно. – Не для микрофауны – для птиц, для рыб, для других земноводных?

Профессор вновь завел что-то, пересыпанное сложными терминами: о клеточных мембранах, аномально утолщенных в сравнении с обычными, о строении эпителия... Я понимал с пятого на десятое.

– Самую суть, пожалуйста: их личинок будут у нас жрать или нет?!

Произнося эти слова, Лернейская чуть-чуть, самую малость повысила тон. Но и этого хватило. Погорельский немедленно отбросил рассуждения и четко доложил:

– Жрать, как вы выразились, их можно, отравление не грозит. Но усвояемость питательных веществ окажется минимальной. То есть значимым звеном пищевой цепочки гипотетическим личинкам не бывать. Проще говоря, их станут от беды глотать очень голодные птицы или рыбы, при отсутствии другой, более калорийной пищи. Сами же они будут вполне способны к эффективному питанию нашей флорой и фауной.

Мы вновь переглянулись. И взгляд мой, уверен, стал на порядок печальнее.

Но в этот момент профессор словно бы решил исправиться и слегка подкорректировал неутешительную картину, уже рисовавшуюся перед мысленным взором. Сообщил, чем питался поджигатель, терроризовавший «Балтнефтепром». При жизни он был всеядным – и в желудке обнаружались остатки растительной пищи и моллюсков, нашему миру не принадлежавших. И другие, переваренные в значительно меньшей степени, уже местного происхождения. То есть за несколько часов до гибели головастик поттрапезничал в своем родном мире. А позже подкрепился в нашем.

Уже легче... Возможно, дело обойдется без поисков мно-

гочисленного земноводного потомства. Искать и латать ведущие в наш мир мышинные норки тоже не сахар, но занимается этим по крайней мере не ОСВОД.

Больше ничего особо значимого профессор не сказал. Меня лично заинтересовал лишь один момент – оказывается, погибшие головастики будут в нашем мире нетленны, гнилостным бактериям их утолщенные клеточные мембраны не поддадутся. Любопытная информация, но не имеющая практической ценности.

На этом лекция завершилась, других вопросов у обоих слушателей не нашлось, – и я решил, что вскоре мы распрощаемся и с Погорельским, и с его вотчиной.

Вновь угадал лишь наполовину. Лернейская действительно поблагодарила профессора за проделанную работу и он нас покинул. Но вслед за тем отправились мы с г-жой вице-директором отнюдь не к выходу, – куда-то дальше, в глубь Бюро.

Глава 5. Полет над гнездом квакушки

Здесь было прохладно. Я помнил, что микроорганизмам, отвечающим за гниение, наш головастик «не по зубам», но порядок есть порядок: биологические экспонаты полагаются хранить в холоде. А после, если не отправляются на утилизацию, – в емкостях с формалином.

Выглядело существо – после всех стараний Погорельского и его сотрудинок – относительно прилично: все разрезы аккуратно зашиты, никакой торчащей в стороны трубки. Теперь я мог рассмотреть его гораздо внимательнее, чем тогда, на берегу Славянки, на бегу и впопыхах. Кое-что я тогда не отметил, – например, что между пальцами «рук» тоже имелись перепонки, полупрозрачные и небольшие, почти атрофированные.

И еще один момент показался странным: на безволосой башке никаких следов ее вскрытия. Порылся в памяти: нет, ни слова о мозге существа Погорельский не произнес, а ведь это важный момент... Непонятное упущение.

Старательно осмотрев уродца со всех сторон – и глазами, и налобным объективом – я решил, что дело сделано, свои визуальные впечатления ЛБ получит.

Но все только начиналось...

Для начала я ощутил легкое покалывание в висках – признак установившегося ментального контакта. Потом в голове

прозвучал голос Лернейской, воспринятый не ушами:

«Других я прошу в таких случаях отвернуться... Но ты, Дарк, уже все видел».

И она выпрастала конечность из-под мантии.

Ну да, уже видел... Но привыкнуть к такому зрелищу едва ли когда-то смогу.

Пропорциями и гибкостью «рука» Лернейской напоминала щупальце. Да только не бывает щупальцев, делящихся на концах на несколько частей, таких же гибких и ловких, напоминающих пальцы... Причем на концах некоторых псевдо-пальцев – тогда, в «Морском Прибое» я не успел этого заметить – какие-то крючочки, отросточки, словно бы инструменты, предназначенные для вовсе уж ювелирных манипуляций. И все это хозяйство находилось в движении – большие и малые отростки двигались, сгибались и разгибались...

Хватательный агрегат госпожи Лернейской лег на голову существа, распластанного на секционном столе, плотно обхватил. Ни дать ни взять – знаменитый лицехват. Мне показалось, что некоторые отростки глубоко вдавились в отверстия, обозначавшие ноздри и уши существа. Впрочем, не уверен... не приглядывался, наблюдал за происходящим краем глаза. Но объектив повернул так, чтобы ЛБ рассмотрел все в деталях.

Некоторое время ничего не происходило. Лернейская неподвижно застыла, лицо напряжено, на нем проступили капельки пота. Покалывание в моих висках продолжалось,

ментальный контакт не был разорван. Но ни мысленно, ни вслух г-жа вице-директор ничего не произносила.

А затем все исчезло: и Лернейская, и секционный стол с черным телом уродца, и комната с кафельными стенами...

По лицу упруго захлестали ветви. Непроизвольно я крепко зажмурился, сберегая глаза, – но ничего не изменилась, гибкие прутья тальника продолжали бить по лицу, а я продолжал их видеть, – впрочем, ни боли, ни чего-либо еще не ощущал...

Сообразил: Лернейская транслирует мне образы, неведомо каким способом вытащенные ею из мертвого мозга. Последний, предсмертный видеоряд, наблюдаемый существом. Так что жмуриться бесполезно – волей-неволей это голографическое кино придется досмотреть до конца.

Потом был берег Славянки, короткая схватка с вороном, водная поверхность, несущаяся к лицу... Перемещение в водную среду не сделало картинку нечеткой и размытой, как произошло бы, будь существо человеком, – глаза земноводного одинаково хорошо видели и под водой, и на суше.

Впрочем, подводная часть эпопеи не затянулась. Слева, на грани видимости, мелькнул стремительный силуэт, – и картинку затащило алое марево, оно становилось все гуще... А затем из него выплыло нечто, что никак не могло оказаться ни на дне Славянки, ни на ее берегах.

Это был мир сплошных болот и я видел его с высоты птичьего полета.

Внизу росли деревья, где густо, где отдельными кучами. Высокие, с раскидистыми кронами, – все их стволы поднимались из воды на манер мангровых зарослей.

На нижнем ярусе тоже хватало растительности: обширные водные пространства покрывали поля растений, очень смахивающих на кувшинки, но без единого цветка, одни лишь громадные лопухи листьев. Кое-где, словно ворс ковра, топорщились заросли не то хвоща, не то осоки, с высоты толком не разобрать. В иных местах было, очевидно, чуть поглубже, там ни травянистой растительности, ни деревьям не удавалось укорениться в донном грунте, – и царствовали водоросли, заполняя зелеными сплетениями все до самой поверхности.

Вроде бы один сплошной, без берегов, водоем, но кархародон там живо бы протянул плавники... Зато благоденствовали земноводные, мелководья буквально кишели ими. Огромные, медлительные существа неторопливо пережевывали водоросли, оставляя за собой натуральные просеки. Хватало и других травоядных, размерами поскромнее. И охотились за ними хищники, самых разных форм и размеров, причем некоторых из них я скорее отнес бы к рептилии-

ям, но не уверен, мог ошибиться при беглом взгляде с высоты. Чем питалась многочисленная земноводная мелочь, в изобилии шнырявшая внизу, я определить даже не пытался.

Вероятнее всего, водились в водно-болотном мире и рыбы, и всевозможные беспозвоночные: моллюски, ракообразные и т. п., – но оставались на вторых ролях, оттесненные на обочину жизни амфибиями.

Лишь верхний ярус, кроны деревьев, захватили и удерживали представители другого животного класса, – насекомые, причем громадные (по нашим меркам громадные, потягаться размерами с местными родственниками лягушек и тритонов они все же не могли). Порхали хищные стрекозоиды, и существа, весьма напоминавшие разросшихся мух и комаров, и еще какие-то крылатые насекомые, земных аналогов не имевшие. Вот только бабочек и прочих чешуйчатокрылых я отчего-то не заметил.

Насекомые царили не только в воздухе и на деревьях – некоторые их виды совершили экспансию на нижний ярус: огромные веслоногие жуки, закованные в хитиновую броню, вполне успешно там хищничали, на равных тягаясь с плотоядными земноводными.

Полет продолжался и продолжался. Никаких изменений в рельефе не наблюдалось, удивительно плоский мир: ни возвышенностей, свободных от воды, ни впадин, позволяющих образоваться нормальным, не заросшим водоемам. Впрочем, кое-какие перепады высот здесь имелись: пару раз я ви-

дел реки – медлительные, не имеющие долин и сухих берегов, сильно заросшие. Реки-болота, если уместен такой термин.

На одной из рек я заметил нечто вроде плотины, замедлившей и без того медленное течение. Она не была рукотворным сооружением, даже не напоминала те примитивные конструкции, что строят наши бобры. Мне показалось, что плотина *живая* – по верхней ее части, доступной взгляду, прокатывались какие-то судороги, сокращения... Мелькнула мысль, что здешняя заболоченность возникла не совсем естественным путем, что кто-то искусственно разровнял рельеф и запрудил реки.

...По ощущениям, полет над болотным миром продолжался гораздо дольше, чем погоня, приведшая существо в воды Славянки. Я удивился: неужто агония головастика длилась так долго и его мозг еще генерировал предсмертные видения, когда Рада вытащила тело на берег? Потом сообразил: время в таких видениях субъективно, и длинный сюжетный сон может промелькнуть в голове спящего за секунду-другую. Надеюсь, Лернейская не заставит смотреть бесконечное кино до конца – все, что стоило знать о мире-болоте, я уже увидел.

Едва так подумал, в унылом сюжете наметились изменения. Вернее, наметились они в унылом пейзаже – впереди показалось нечто, весьма напоминающее сушу. Пусть низкую, лишенную не только гор, но и холмов, но хоть какое-то

разнообразиие.

И тут, как на грех, наблюдаемая картина начала бледнеть, размываться, исчезать... Очень скоро я понял, что вижу закрытыми глазами лишь фантомные пятна. Поднял веки и узрел кафельные стены и Лернейскую, отлепляющую «лицехвата» от головы мертвого головастика.

– Что скажешь? – поинтересовалась она.

– Любопытный мир... Царство амфибий. А это (я кивнул на секционный стол) тамошний венец эволюции, земноводный аналог Хомо сапиенса.

– Еще какие-нибудь выводы из увиденного сделал?

– Ну-у-у... Гравитация там вероятно слабее, чем у нас. Иначе стрекоза с дельтаплан размером в воздух не поднимется.

– Логично. Еще что-нибудь?

Вот ведь пристала... Я напрягся и выдал:

– Вполне возможно, что там кислорода в воздухе значительно больше.

– Не стоит проецировать на чужой Мир то, что нам известно о нашем каменноугольном периоде.

– Ладно, больше не буду... Тогда вот вам главный вывод, без всяких проекций: ОСВОД в том мире действовать не сможет. Кархародону не развернуться, быстренько завязнет. Разве что Ихти и Импи можно заслать в качестве отдельных боевых единиц, разведчиц-диверсанток.

– Других выводов нет? – невинным тоном спросила Лер-

нейская.

Чего-то она от меня ждала, к чему-то подводила, подталкивала... А я не мог взять в толк, к чему. И брякнул первое, что пришло в голову:

– Еще могу расспросить Хуммеля – может, странствуя по Истинным Мирам, попадал когда-нибудь в этот.

– Не надо тревожить Хуммеля. Мир известный, местные называют его Ззуусс. И это не ИР, это ИАР.

– Э-э-э?

– Не Истинный Мир, а Истинно-альтернативный Мир.

Я ошарашено замолчал. Картина мироздания снова раскололась на куски. В который уже раз за последние десять лет? Не сосчитать...

Лернейская, заинтересованно понаблюдав за моим лицом, добавила:

– Кстати, напомни потом, чтобы не забыла оформить тебе допуск «алеф». С твоим «альфа-бис» знать такое не полагается.

Интересно, она у ЛБ позаимствовала эту эффектную фразу? Или он у нее?

Глава 6. К вопросу о дурных приметах

Приметы сбываются не всегда: хорошие реже, плохие гораздо чаще.

Но есть одно исключение, моя личная персональная примета, неизменно сбывающаяся: если встречаю кого-то из Хомяковых – день потом идет наперекос, планы ломаются, жизнь подкидывает поганые сюрпризы, босс – поганые задания, и т. д. и т. п.

В понедельник, казалось бы, ничто не предвещало неприятностей, – с Радой мы расстались двое суток назад, в Институте представители их семейства никогда не появляются. Но недаром люди опытные советуют никогда не говорить «никогда», ибо все когда-то случается впервые.

В ОСВОДе я появился спустя три часа после начала рабочего дня, – все утро провел в Бюро экспертиз.

Дверь отдела была приоткрыта, кодовый замок не работал, бейдж, чтобы войти, не понадобился. Шагнув через порог, я мгновенно заподозрил, что дисциплина среди подчиненных успела за столь короткий срок расшататься весьма основательно. Эти разгильдяи дошли до того, что затеяли сыграть в футбол на рабочем месте – мяч пролетел у меня между ног и исчез за дверью, которую я не успел притворить.

– Да вы тут совсем... – грозно начал я и осекся, сообразив, что ошибся.

Сотрудники в футбол не играли, равно как и в другие спортивные игры с мячом. Властимир сидел за общим столом, служившим нам для совещаний, и вид имел мрачный-мрачный, словно только что узнал, что лишился всего движимого и недвижимого имущества, а вдобавок болен неизлечимой болезнью. Ихти в уголке о чем-то тихонько переговаривалась с Импи и мне показалось, что сестрички старательно сдерживают весьма ехидные усмешки.

Хуммель, вопреки обыкновению, не спал. Сидел здесь же, в общей комнате. Странно... Обычно раньше обеда он по своей воле не просыпается, а против воли разбудить нашего сновидца не так-то легко.

Лишь Злата Васильевна – живое олицетворение трудовой дисциплины – находилась на своем рабочем месте и что-то набивала на компьютере.

– Что происходит? – спросил я напрямик.

Хуммель издал неопределенный хмыкающий звук, Властимир волком глянул на меня, будто на виновника всех своих гипотетических неприятностей, – и ничего не ответил.

– У нас пополнение- объяснила Ихти.

– Да еще какое, – добавила Импи и не выдержала, хихикнула.

Просьбами довести численность ОСВОДа до штатной численности я изводил ЛБ почти месяц, после того, как отдел покинул стажер Соколов. Но быстрого результата не ждал, – слишком уж высоки требования к потенциальным

кандидатам: задачи мы выполняем особые, и сотрудники в отделе собрались куда как не простые... К тому же новичку, даже формально соответствующему всем условиям, не так-то легко вписаться в сложившийся и притершийся коллектив.

В общем, следовало радоваться, что хоть кого-то прислали на усиление. Но коллеги отнюдь не выглядели обрадованными.

– Вот приказ, Сереженька. – Злата Васильевна вручила мне листок, вложенный в прозрачный файл. – На втором экземпляре тебя надо расписаться. Изменения в штатном расписании будут готовы через час.

Интонации Златы Васильевны показались мне необычными. Приказ я взял в руки осторожно, подозревая какой-то подвох, осмотрел самым дотошным образом.

Печать... Подпись вице-директора по кадрам... Дата сегодняшняя, девять утра, интересно... Исходящий номер отпечатан на принтере, входящий поставила от руки Злата Васильевна... В левом верхнем углу утверждающая резолюция Биг Босса в виде нечитаемой закорючки, хорошо мне знакомой.

Я вдруг понял, что внимательнейше, чуть не с лупой, изучаю атрибуцию документа, потому что опасаюсь прочитать главное: кого же к нам назначили? Странный настрой подчиненных оказался заразным.

Тьфу... Что я в самом деле? Всякое переживали и это пе-

реживем. Итак, кого же нам послала судьба в лице высшего начальства...

Хомяков...

Хомяков?!!

Он самый, Хомяков Добромил Твердиславович, 2018 года рождения.

Я так и сел. Самым натуральным образом плюхнулся – хорошо, хоть не на пол, а в кресло, заботливо пододвинутое кем-то из сотрудников.

Всякого мог ждать, – например, внедрения в коллектив кого-нибудь из сотрудников Лернейской в целях внутриведомственного шпионажа и мелкого вредительства. Но такого поворота и в страшном сне бы не привиделось...

Подозрительно посмотрел на Хуммеля, на Властимира, на девчонок. Может, шутка? Слепили приказ, подсунули утром Злате Васильевне...

– Если это ваша работа, лучше сразу признайтесь. Отделаетесь выговором и лишением премии.

– Да мы сами в шоке... – заявила Ихти так, что я ей сразу поверил.

О том, что пошутили в отделе кадров, не стоило размышлять даже из академического интереса. Наши кадровики, это... В общем, у них шутки юмора не в чести.

– То есть к нам в отдел вот-вот заявится младенец трех дней от роду и приступит к трудовой деятельности... – медленно произнес я. Мозг столь же медленно осознавал неиз-

бежное.

– Маленькая поправка: он уже заявился, – внес уточнение Хуммель. – Ты же с ним только что в дверях разминулся.

Я поначалу ничего не понял, потом вспомнил нечто, пролетевшее между ног и принятое за мячик.

– Этот вот колобок?! Ох...

– А по-моему, очень милый, – сказала Импи.

* * *

Вскоре я узнал, что Малыш Хомяков появился в ОСВОДе полтора часа назад.

И времени зря не терял:

– со всеми перезнакомился, сдружился (кое с кем успел рассориться и снова помириться);

– непонятным способом, дистанционно, сломал замок на двери, который и теоретически-то сломать было невозможно (пообещал, что сегодня же починит, но даже не пытался);

– пять раз подряд выиграл в шахматы-блиц у Властимира (у Властимира! у бессменного институтского чемпиона последних лет!), заработав неплохую сумму;

– разбудил Хуммеля, заявившись в его сон (в сон Хуммеля! против воли сновидца!);

– сделал Ихти и Импи официальное предложение руки и сердца (предложил им усыновить его в видах дальнейшего внебрачного сожительства втроем);

– сделал Злате Васильевне аж целых три предложения (все три – по улучшению компьютерного делопроизводства в отделе, причем все три толковые, как была вынуждена признать наша бессменная делопроизводительница);

– проголодался и поспешил в столовую с целью оформить бесплатное диетическое питание, а заодно позавтракать (зная Лавра Гирудовича Мишкунца, заведовавшего институтским общепитом, можно было смело держать пари: бесплатно позавтракать младенчику удастся после месяца-другого беготни с бумагами по инстанциям, – и Властимир такое пари с Малышом заключил, а теперь сомневался в выигрыше).

Дополнительно выяснилось, что умственное развитие нового сотрудника весьма опережает физическое: ни ходить, ни говорить он за минувшие после родов двое суток толком не выучился. Поэтому общается с окружающими ментально, а как передвигается... я, дескать, сам видел: происходит нечто вроде серии телепортаций на сверхкороткие дистанции, следующих непрерывно, одна за другой, отчего создается впечатление низкого полета.

– Всё, пропал ОСВОД, – сказал я обреченно.

Ответом стал хоровой тяжкий вздох. Злата Васильевна сказала:

– Он, конечно, ребенок: очень милый, непосредственный, живой... Но атмосферу создает совершенно не рабочую.

Теперь моя примета: встретил кого-то из Хомяковых,

день насмарку, – будет сбываться ежедневно, с понедельника по пятницу, и еще в выходные, если отделу выпадет сверхурочная работа.

– Босс в курсе? – уточнил я на всякий случай: вдруг ЛБ не знает, что за ценный кадр у нас объявился, вдруг пособит от него избавиться.

– Он-то и привел Колобка, – безжалостно разбил надежду Хуммель. – Злой был, страсть... В смысле, босс был злой. Пойду, попробую уснуть. Но если этот паршивец еще раз в мой сон заявится без спроса, я за себя не ручаюсь. В смысле, Колобок если заявится.

И он отправился к себе, заступать на трудовую сонную вахту. А Злата Васильевна, словно решив, что проблем у меня недостаточно, подкинула еще одну:

– Казимир Сигизмундович принес черновик учетной карточки нового сотрудника, попросил тебя, Сережа, внести изменения и уточнения.

Казимир Сигизмундович – такое заковыристое имя-отчество стоит в документах ЛБ, он же Литл Босс, он же вице-директор НИИ Проблем Мирового океана, он же мой прямой и непосредственной начальник. Сомневаюсь, впрочем, что мама в детстве звала его Казиком или иным производным от нынешнего имени. Удивляться тому не стоит, я тоже стал Чернецовым только после того, как поступил на службу в НИИ ПРОМОК.

Удивительно другое: первичное тестирование новых со-

трудников, исследование их способностей и заполнение учетной карточки никак в обязанности ОСВОДа не входит.

Рассеял мое недоумение Властимир – он водил знакомство с парнями из техотдела, занимавшимися тестированием, и был в курсе дела.

Оказывается, тестировали новобранца почти все воскресенье, выдернув техников с отдыха под предлогом важности и срочности. Могли бы и не спешить: все равно прямому и непосредственному изучению Колобок оказался недоступен (пусть будет Колобком, должен же быть у сотрудника какой-то рабочий псевдоним).

А вот так... Недоступен. Выяснилось это быстро: все приборы, пытающиеся «заглянуть» ему внутрь, сгорали мгновенно. И те, что пытаются снять параметры внешними датчиками – электрокардиографы, электроэнцефалографы и т. д. – сгорали тоже. Ктулху побери, в его личном деле даже фотографии нет! Цифровые фотокамеры выходили из строя, а с пленочными произошла та же история, что и с рентгеновскими аппаратами: пленка мгновенно засвечивалась.

Хомякова-самого-младшего растущее недоумение техников привело в хорошее настроение и он решил немного пошутить: во время последней сессии приборы (новые, доставленные со склада взамен пострадавших) уцелели, но выдали такую ахинею, что поверить им невозможно... Например, вес у младенчика получился отрицательным, минус сорок семь килограммов, а частота пульса якобы измерялась в ме-

гагерцах... У всех Хомяковых странное чувство юмора.

Кончилось тем, что ЛБ, крайне раздраженный поломками дорогостоящей аппаратуры, сам недрогнувшей рукой вписал Малышу Хомякову в карточку сотрудника небывалую маркировку ПНН, в скобках расшифровав ее как «Прыщ на ножках». А в графе «тотем» вообще накарябал слово, каким выражаться в приличном обществе не принято. Потом, очевидно, задумался и решил, что высшее начальство может такой юмор не оценить, – и спихнул завершение дела мне. Молодец, чё...

Изучив карточку, я зачеркнул нехорошее слово и заменил его четырьмя вопросительными знаками, ПНН исправил на МП (маг-полиморф) и попросил Злату Васильевну подобрать цифровой код, хоть как-то соответствующий тем способностям Колобка, что успели проявиться.

Теперь можно было сидеть и спокойно ждать остальных неприятностей, отмерянных судьбой на этот день...

Неприятности не задержались.

Последовал звонок босса: зайди, дескать, Дарк, побеседуем. И я отправился, предварительно нагрузив сотрудников заданиями, пока вконец не разложились под тлетворным влиянием Колобка.

* * *

Шагая в сторону кабинета ЛБ, я встретил Раду Хомякову.

Она-то что здесь позабыла? Получила вызов в связи с происшествием на Славянке? Или приглядывает за младшеньким?

Рада меня не заметила, о чем-то увлеченно беседуя в нише окна с пингвином Крейзи. Этот загадочный персонаж уже два месяца околачивался в Институте и никто толком не знал, кто он такой, чем занимается. Понять странные звуки, заменявшие пингвину речь, тоже никто не мог, а телепатически общаться он либо не умел, либо не желал. А непосредственное начальство – то есть ЛБ – в ответ на мой прямой вопрос изобразило многозначительный вид и предложило самому догадаться...

Однако для мадмуазель Хомяковой языковой барьер проблемы не составлял: оба собеседника оживленно жестикулировали и, судя по всему, прекрасно понимали друг друга. Были так увлечены разговором, что на меня не обратили внимания.

Внутри все опустилось. Вторая встреча с представителями семейства за день. Мог, мог ведь пойти другим путем... Да что уж теперь.

В лифте я ехал в одиночестве. И вспомнил кое-что...

– Дана, ты помнишь программу Властимира для расшифровки текстов на неизвестных науке языках? Ту, которой он расколлот рукопись Войнич?

– Хм... А разве я когда-то и о чем-то забываю?

Та-ак... Дожили... Научилась отвечать вопросом на во-

прос...

– Ты адаптировала ее для устной речи?

– Сразу же, как получила.

– Ну и? Записи речей Крейзи поддаются расшифровке?

– Расшифровке поддается все. Но без контрольных слов,

о присутствии которых в тексте или речи точно известно, вариантов получается слишком много. И они, варианты, слишком противоречат друг другу.

– Будут тебе контрольные слова...

Припомнив, при каких обстоятельствах происходили записанные беседы с Крейзи, я начал надиктовывать Дане список того, что пингвин мог произнести. Но тут лифт остановился на одном из промежуточных этажей, вошли люди, – и завершение разговора пришлось отложить.

Глава 7. Маленький, да удаленький

– Вы решили переформатировать ОСВОД в «Дом Малютки»? – печально спросил я, когда понял, что босс менять решение не намерен. – Немного странно, учитывая, что у младенчика все в порядке с семьей: родители в полном комплекте, брат с сестрой, и даже дедушка есть... По слухам есть, я его ни разу не видел.

Босс проигнорировал мой унылый сарказм. Ответил совершенно серьезным тоном:

– Никто силой младенца у родителей не отбирал. Они сами попросили приглядеть за чадом. Потому что поняли: не сумеют присматривать и за ним, и за... в общем, за тем, за чем они оставлены присматривать. После этого проблему Хомяковых обсуждали два дня. Так и не пришли к единому мнению. А потом поступило указание *оттуда*... – Он сделал неопределенный жест рукой. – От того, с кем спорить не принято.

Одна неясность прояснилась и тут же возникла другая. Тот, с кем спорить и даже о ком говорить не принято, изредка выдает указания, над смыслом которых голову лучше не ломать. Но до сего момента я был уверен, что глубоководный обитатель Тихого океана знать не знает о существовании семейства Хомяковых.

– И в чем была суть указания? – уточнил я.

– Приглядывать. В качестве объекта для экспериментов не использовать. Никак и ничем не стеснять свободу, выполнять все пожелания, невзирая на возможный материальный ущерб. Регулярно и подробно докладывать.

– Так... Но позвольте спросить, при чем здесь вообще ОСВОД?

– ОСВОД попадает под пункт «никак не стеснять свободу, выполнять пожелания». Наш подопечный изъявил желание послужить под твоим началом, Дарк. Формальных препятствий к тому нет, по всем критериям он подходит.

– По слухам, в КЗОТе есть статья о минимальном возрасте приема на работу.

– А ты посчитай возраст, как его считают китайцы, – не от рождения, а от зачатия, – ехидно посоветовал босс.

Да уж... не удивлюсь, если при таком подходе окажется, что Колобка уже можно с почетом проводить на пенсию.

– А теперь, если у тебя, Дарк, не осталось вопросов по кадровому составу ОСВОДа, перейдем к главному. Расскажи, что Лернейская раскопала в мозгу земноводного, пойманного в Славянке. Официальный видеоотчет я просмотрел, но этого, как ты понимаешь, увидеть не мог.

– Я, конечно, не зоолог, не биолог и не специалист по...

– Я тоже, – перебил босс. – Поэтому расскажи без заумных терминов. Изложи простыми словами личное впечатление.

Я рассказывал, ЛБ задавал вопросы, я отвечал... Все как обычно, но все же мне показалось, что Ззуусс и его обитатели интересуют босса постольку-поскольку, что вызвал он меня по другому поводу. Впечатление оказалось правильным.

В течение всего разговора ЛБ вертел в руках мобильный телефон. Был тот, что называется, статусным и оформленным под заказ. «Vertu», одна из последних моделей, на корпусе белого золота выложена мелкими бриллиантками монограмма владельца. Или бывшего владельца... Или не бриллиантами, а стразами...

Но речь ЛБ завел не о телефоне. О деле, которое я считал законченным.

– Помнишь тот проход, что соединял замок Ро и Финский залив? В реальности выход из него так и не нашли...

Я кивнул. Еще бы не помнить...

– Теперь отыскали... – порадовал босс. – Он сдвинулся к северу и стал мерцающим.

– Тогда в чем проблема? – поинтересовался я. – Мерцающим пользоваться все равно невозможно. Рассосется со временем и окончательно закроется.

– В том-то и проблема, что кто-то пользуется, а мы не понимаем, как.

– Кто именно?

– На, взгляни...

Он протянул телефон и я увидел на экранчике парусник. Трехмачтовый галеон, достаточно большой, с двумя орудийными палубами.

– Корабль-призрак, – прокомментировал босс. – Летучий, так его, Голландец...

– Не факт, что именно Голландец... Не классический испанский, согласен, форма кормы другая и много мелких отличий... Возможно, построен в Голландии, или в Германии, или в Скандинавии...

– Не важно, где построен. Он несколько раз появлялся из ниоткуда и исчезал в никуда в районе Аландских островов. Только очень странный призрак – виден на экранах радаров, на спутниковых снимках... Постепенно становится местной достопримечательностью. Скоро состроят легенду и включают в рекламные проспекты туроператоров.

– Он чем-то и кому-то мешает?

– Вообще-то нет. Вот только время между появлением и исчезновением с каждым разом увеличивается. А это никак не согласуется с теорией мерцающих проходов.

– Я вообще-то слаб в теории...

– А тебе и не надо теоретизировать. Твоя задача – приглядеть, чтобы морячки с парусника, ошавев от неизвестности и непонятности, не наделали глупостей и не причинили вреда тем, кто будет исследовать мерцающий проход. Задача ясна? Тогда собирайся, вечером ОСВОД вылетает на нашу базу в

Кондратьево, двухдневная тренировка, – и оттуда сразу на Аланды.

Не зря мне в дополнение к пришествию в ОСВОД Колобка встретилась Рада Хомякова... Двойная примета сбылась.

– Нет, – коротко сказал я.

– Что не ясно? – удивился ЛБ.

– Ясно все. Но сегодня вечером я ни в Кондратьево, ни на Аланды не вылечу.

– Не понял... Объясни.

Я объяснил терпеливо и подробно:

– Сегодня вечером я уйду со службы сразу по окончании рабочего дня, минута в минуту. Если, конечно, вы меня сейчас не уволите, – тогда я уйду пораньше. А в Кондратьево, или на Аланды, или на Фолкленды, или в Антарктиду, или...

– Утомил.

– Куда угодно, в любую задницу мира, я полечу завтра, но опять-таки, если меня сегодня не уволят.

Он долго смотрел мне в глаза. А я в его – в холодные, льдистые. Интересно, босс кого-нибудь когда-нибудь любил? Институтские сплетники, знающие почти все на свете, не имели на сей счет информации.

– Нейя? – спросил он.

– Да. Сегодня я делаю ей предложение.

– А в другой день никак?

– Никак... Вы же знаете, как мало у нас с ней времени.

Оглянуться не успеваем – осень на носу.

– И не надоело тебе, Дарк, из года в год жениться на одной и той же женщине? – поинтересовался ЛБ безнадежным тоном.

Я не стал отвечать на риторический вопрос.

– Ладно, делай свое предложение, вылет переносится на завтра... Эта лоханка появляется уже две недели, лишний день ничего не изменит.

Я кивнул – разумеется, не изменит. Мы оба не догадывались в тот момент, что сильно ошибаемся... И никто не догадывался – за исключением узкого круга людей, крайне встревоженных тем, что круизный теплоход «Котлин» исчез с радаров и не выходит на связь. Поиски велись в тот момент активно, но утечек информации не происходило, слишком уж важные персоны из российской бизнес-элиты находились на борту...

После долгой паузы босс спросил с незнакомой мне задумчивой интонацией:

– Скажи, Дарк... А каково это вообще – жить с наядой?

Вопрос не показался мне риторическим и я ответил честно:

– Трудно... Но мне другой жизни не надо, я с ней счастлив. Кстати, если что – несколько сестер Нейи еще свободны.

– Хорошо, я подумаю, – серьезно произнес ЛБ.

Прозвище «Колобок», полученное новым сотрудником от щедрот Хуммеля, оказалось удивительно уместным.

Малыш Хомяков успел оборудовать себе рабочее место: сидел на двух кожаных подушках, снятых с дивана и положенных на сиденье кресла, иначе голова не возвышалась бы над краем стола. Тельце Колобка – крохотное и тщедушное, как у недоношенного младенца, – было запаковано во вполне взрослый деловой костюмчик (в каком, интересно, магазине Хомяковы приобрели экипировку для сыночка? наверное, срочно пошили на заказ...), даже крохотный галстучек болтался на шее.

Но и одежда, и кукольные ручки и ножки Колобка привлекали внимание во вторую очередь – над всем его обликом царила и властвовала голова, огромная, как шар для боулинга, и лысая, ни единого волоска. Черты лица были самые что ни на есть младенческие, умильные и невинные, лишь взгляд чересчур смысленый, даже хитрый.

«Привет, Дарк! – приветствовал меня Малыш мысленно. – Как сам?»

– Привет, привет... – откликнулся я вслух. – Когда нашу дверь починишь? И зачем ты ее сломал, кстати?

Дверь, ведущая в ОСВОД, так и болталась нараспашку – приходи, кто хочет, забирай, что приглянется.

«А мне не дотянуться до замка этой штукой. – Колобок помахал карточкой временного пропуска. – До вечера все починим в лучшем виде».

Надежд, что Колобок выполнит обещанное, я не питал. Придется напрямь Хуммеля на починку, как проснется, он в отделе самый рукастый.

– Пойдем... хм... Доброил Твердиславович. Проведем собеседование.

«Не ломай язык, Дарк. Можешь звать меня просто Добби».

Мне хотелось внимательно рассмотреть способ передвижения Колобка, якобы состоявший из серии последовательных сверхкоротких телепортаций (за остальными членами семейства Хомяковых я такого умения не замечал). Не сложилось. Колобок очень быстро учился, – и успел за минувшие часы освоить пешее хождение. Соскользнул со своего трона и деловито посеменил в сторону моего кабинета.

* * *

Диалог наш продолжался, как начался: один из участников проговаривал реплики вслух, другой отвечал мысленно.

У меня это было далеко не первое собеседование с вновь принятым в ОСВОД сотрудником, но впервые я испытывал такое чувство ошарашенности от дикого сюрреализма происходящего. Что-то механически говорил, рассказывал о

сложившихся в ОСВОДе традициях и неформальных правилах внутреннего распорядка, а в голове вертелся один-единственный вопрос: да кто же они такие, Хомяковы?

Не то чтобы я раньше никогда этим не озадачивался. Задумывался, и не раз, но поиски ответа никогда не становились приоритетной задачей, вечно что-то отвлекало.

К тому же познакомился я с семейством на заре своей карьеры в НИИ ПРОМОК. Странное и удивительное тогда накатило волной, девятым валом, цунами, – и на общем фоне странности Хомяковых не особенно выделялись. Ну да, живет в Гатчинском районе области такая семейка, ну да, обладает сильнейшими паранормальными способностями, а институтское начальство с непонятым благодушием относится к их выходкам... Ничего особенного.

Но время шло, все странное и удивительное постепенно сложилось в органичную и непротиворечивую картину мира, – и лишь семейство Хомяковых упорно не желало в ту картину вписываться. Что никакие они не паранормалы, а самые натуральные маги, я понял давно. Но к какой стихии принадлежат... загадка из загадок. В Институте собрались исключительно «водники», так или иначе все их таланты и умения связаны с водой, но и с магами других стихий мне приходилось общаться достаточно, чтобы сделать вывод: ни на один из первичных элементов магия Хомяковых не завязана. Или же завязана на все четыре разом, а так не бывает...

Хотя...

Возможно, именно этого добивалась от меня Лернейская, – сегодня утром, в Бюро экспертиз, – а я протупил, не сообразил. Головастик-поджигатель был существом водным, однако же при этом все его действия в нашей реальности крайне походили на ритуал Огня. Сочетание стихий не просто не сочетаемых, но антагонистичных по своей сути. Так ведь и это не всё... Посмертные видения его – явно картина полета над родным Миром. Воздух! Третья стихия. При том, что Мир никак не технологический, а ни «огневики», ни «водники» к левитации не способны.

Такое сочетание несочетаемого подозрительно напоминает странности семейства Хомяковых. Настоящие странности, а не дебилские шуточки, которыми они отвлекают внимание от...

От чего?

– ...а в Гонолулу найдем катер, – услышал я совершенно незнакомый голос, детский и писклявый.

С запозданием сообразил, что давненько замолчал, занятый своими мыслями. Чем немедленно воспользовался Колобок и начал излагать какой-то свой авантюрный прожект, – но, убедившись, что мысли я блокирую, вскоре перешел на акустический способ общения. До чего же быстро всему учится, паршивец.

– Какой еще катер? Зачем нам в Гонолулу?

– Ты чем слушаешь, Дарк? Вынимай бананы из ушей, сейчас повторю для непонятливых...

И повторил.

Оказывается, задумал Хомяков-самый-младший не много и не мало: мы с ним вдвоем отправимся в Тихий океан на самочинную аудиенцию к тому, о ком говорить не принято. И Колобок уверен, что оттуда я вернусь в ранге вице-директора НИИ ПРОМОК.

Я осторожно предположил:

– Сомневаюсь, что директор Института обрадуется такому методу решения кадровых проблем.

Колобок пренебрежительно махнул своей кукольной ручонкой.

– Не бери в голову. Директором из Гонолулу вернусь я.

Пропал ОСВОД, как есть пропал...

Взглянул повнимательнее на Колобка, представляя его на месте Биг Босса – председательствующим на заседании Научного совета НИИ, например, – и удивился. Взгляд моего собеседника никак не сочетался с писклявым голоском и младенческим личиком, – взрослый, цепкий, изучающий мою реакцию на ахинею.

Мы, значит, приглядываем за Хомяковыми, как бы чего не натворили? Ну-ну...

Не удивлюсь, если окажется, что процесс взаимный: они тоже приглядывают за Институтом. А судя по тому, как представители семейки замелькали здесь в последнее время, назревает что-то тревожное.

И едва я это подумал, не раньше и не позже, на запястье

завибрировала Дана, – словно беззвучное эхо моих мыслей. Оно? Началось?

Тьфу... совсем забыл, что сам попросил ее предупредить, когда до завершения рабочего дня останется десять минут. Иначе ведь легко могу заработать, а именно сегодня задерживаться на службе никак нельзя, сегодня особенный вечер...

Глава 8. Особый вечер

Мужчины по своему отношению к браку делятся на три основные категории.

Есть однолюбы: сделают избраннице предложение, женятся, и живут душа в душу (или уж как повезет), пока смерть не разлучит. Таким однолюбом был мой отец.

Представители другой категории вступают в брак часто и охотно, однако ненадолго. Мой двоюродный дядя с материнской стороны, например, был женат не то пять, не то шесть раз, под конец семейство сбилось со счета.

Наконец, есть граждане, по разным причинам категорически не желающие жениться. Наш Властимир – представитель этой странной разновидности мужчин.

Разделение, конечно же, условное: есть подкатегории, есть типы, перескакивающие в течении жизни из одной группы в другую и т. д. и т. п.

И есть я.

Единственный и неповторимый, классификации не поддающийся. Женящийся постоянно, каждый год, но на одной и той же женщине.

Можно бы гордиться, но я по пути домой занимался другим, доверив управление Дане: ломал голову, какую еще «изюминку» вставить в сегодняшний ритуал предложения, чтобы не повториться, – все-таки десятый раз, юбилей-

ный, надо сделать так, чтобы запомнился, придумать что-то необычное, небывалое...

Кольцо с десятью крохотными бриллиантиками давно куплено, но вот какую-нибудь небывалую фишку для его вручения я так и не придумал... Хотя уже не раз задумывался, но ничего свежего изобрести не мог и каждый раз откладывал решение проблемы: авось что-нибудь само собой придумается, если не насиловать голову... Ставка на авось не сыграла.

Если не придумаю что-то сейчас, основной вариант наготове: забронирован столик на теплоходе-ресторане, курсирующем по Неве, оплачены услуги скрипача, готового сыграть душевную мелодию в момент вручения колечка... Но сам я понимал: это лишь компиляция из третьего, шестого и седьмого моих предложений.

Перед многократно женатыми такие проблемы не встают (не говоря уж об убежденных холостяках и однолюбках): хоть браков много, но избранницы-то все разные, – можно выбрать один яркий и романтический ритуал вручения кольца, и отрабатывать его из раза в раз, совершенствуя и шлифуя детали.

Однако этот вариант не для меня. Да, сейчас Нейя ничего не помнит, и любой из прежних вариантов станет для нее в новинку. Но период беспамятства заканчивается, очень скоро она вспомнит все наши предыдущие браки и поймет, что у мужа иссякла фантазия... Не хотелось бы.

От беды на выходных я обратился к коллективному разуму Интернета, настучав в поисковой строке: «Как оригинально сделать предложение руки и сердца?» – и убил целый вечер, читая и обдумывая статью, описывающую аж сто способов красиво обставить этот важный жизненный шаг.

Увы... Одни способы показались глуповатыми и дико банальными. Роза в зубах... лепестки на кровати... письменный вопрос «Ты выйдешь за меня?» на асфальте под окнами... тьфу. До других я в прежние годы додумался самостоятельно. Предлагал законный брак в корзине аэростата в девятый раз. И на дне хрустально-прозрачного Мраморного озера, в четвертый, – в акваланге, разумеется, предлагал, не во второй своей ипостаси. И квест «Сокровища Флинта» мы проходили, когда в найденном сундуке поверх груды бутфорских монет лежала коробочка с кольцом... Ничто не ново под луной.

Лишь пункт сорок восемь интернетного списка позабавил и оказался оригинальным: «Назначьте время парашютного прыжка, и не забудьте прихватить с собой заветную коробочку. Выпрыгнув из самолета, сделайте любимой предложение. Скажите, что не дернете за кольцо, пока она не ответит согласием». Я никогда не прыгал с парашютом, как-то нужды не было, но сомневаюсь, что при совместном прыжке найдется время и возможность для таких разговоров. Да и вообще идея пахнет шантажом...

Статьи по другим ссылкам я лишь бегло просмотрел – то

же самое с небольшими вариациями. Коллективный разум не оправдал надежд.

Попытка придумать в самый последний момент какое-то яркое и запоминающееся новшество тоже провалилась. По дороге домой в голову пришла лишь бредовая идея: замаскированные под пиратов сотрудники ОСВОДа подплывут на институтском катере под черным флагом и возьмут на бордаж теплоход-ресторан, а доблестный капитан Дарк повергнет их в инсценированной схватке и... Хватит, решил я. Лет совместной жизни у нас впереди немало (надеюсь), оригинальных идей все равно не напасешься, пора переходить от поисков и экспериментов к постоянству и закладыванию традиций. Ну так пусть традицией станет классика: скрипач, кольцо в бокале, все дела...

С тем и добрался до дома.

И все сразу же пошло не так. Квартира оказалась пустой.

* * *

Детей я и не ожидал застать. Экзаменов ни у Маришки, ни у Марата в этом году не было, летние каникулы у обоих начались еще в пятницу, – и они в компании тетушки Наташи и кузины Леры отправились в двухнедельный круиз по Золотому Кольцу.

А вот Нейя (она же Надежда, она же моя бывшая жена, она же будущая, она же мать наших детей) должна быть дома. Я

предупредил, что вечером нас ждет небольшое путешествие, назвал время... Будь на ее месте кто другой, можно было бы предположить срочные дела, заодно придумать причину, не позволившую ей позвонить. Но какие посторонние дела могут быть у няды, полтора месяца назад вышедшей из зимней спячки с девственно чистой памятью?!

В квартире царил небывалый бардак. Дверцы шкафов распахнуты, ящики выдвинуты, вещи разбросаны. Словно Нейя собиралась куда-то в дикой спешке или...

Или кто-то провел в квартире торопливый и небрежный обыск.

Я метнулся из одной комнаты в другую, но ничего, проясняющего дело, не обнаружил. В детской вроде все в порядке, в том же виде, что остался после отъезда Маришки с Маратом.

Вернулся в прихожую, горько жалея, что все видеокамеры системы наблюдения направлены наружу, ни одной внутренней нет. Но хоть что-то, посмотрю в ускоренной записи, кто приходил, кто уходил...

Записи со всех камер за последние три часа оказались стертыми.

Версия с не пойми откуда появившимися срочными делами окончательно накрылась медным тазом. Нейя сама не смогла бы разобраться с системой наблюдения на таком уровне... Надо назвать кошку кошкой: произошло похищение.

Деревянными шагами я проследовал на кухню, – ошарашенный, не понимающий, что делать... Согласно классике жанра, очень скоро позвонят и что-то потребуют. Мне не хотелось услышать этот звонок – нестерпимо хотелось проснуться в управляемой Даной машине, подъезжающей к дому.

На пустом кухонном столе лежал лист, распечатанный на моем собственном принтере. Прочитав, я понял: звонка не будет. Вот какое послание там оказалось:

«Приезжай туда, где первый раз встретился с женой. Там узнаешь, что делать дальше. Никому не звони, иначе никогда ее не увидишь. Поспеши, у тебя мало времени».

Подписи не было.

Инструкции я начал выполнять немедленно. Поспешил. К тайнику, где хранился мой наградной «Вальтер ТРН» и несколько удостоверений серьезных контор, – с разными именами и фамилиями, но все с моей фотографией.

Выполнял, но выполнил лишь отчасти: три звонка все-таки сделал. Один на бегу, два на ходу, в машине, вновь доверив управление Дане.

* * *

– Ротмистр, ты в городе?

– Да, но я сейчас...

– Неважно, где и что ты сейчас. Некогда. Срочно нужна

помощь.

– Какая?

– Три или четыре бойца, натасканных в рукопашке и в огневых. И с головой дружащих, не привыкших сначала стрелять, потом задумываться. Есть такие?

– Найдутся... Куда их и когда?

– Сейчас. В Институт. На крышу, к вертолетной площадке.

– Та-а-ак... Двоим только подняться на лифте. Еще двое подтянутся через сорок минут, не раньше.

– Отставить еще двоих. Присылай только тех, кто под рукой. Пусть подтягиваются к «Еврокоптеру», там будет Ихти, дальше руководит она.

– Сделаем. Экипироваться по полной?

– Да. Если есть снайперка, пусть прихватят.

– Снайперки нет, у нас все-таки...

– Не важно. Времени реально в обрез. До связи.

Закончив последний разговор, я немедленно взял управление на себя – с аккуратной ездой Даны, досконально соблюдающей все правила и ограничения, вертолет с сестричками и бойцами Соколова доберется до Павловска раньше даже с учетом моей форы и времени на сбор команды...

«Дискавери» понесся гораздо быстрее и в куда более агрессивной манере, вызывая возмущенные гудки других участников движения.

Перед Фильтровским железнодорожным переездом обнаружилась пробка – очередь машин вытянулась километра на полтора, не меньше. Обычное дело в начале вечера, трафик сейчас самый напряженный и у автомобилистов, и у электричек.

Я ударил по тормозам. Через пару секунд, словно эхо, прозвучал еще один такой же визг тормозных колодок, – подкатила погоня. ДПС, недавно севшая на хвост у Московских ворот.

Они выскочили из «форда» без обычной своей неторопливой вальяжности – злые, раскрасневшиеся, готовые схватить, заломить руки, впечатать лицом в капот... И мгновенно остановились, словно налетев на невидимую стену. Разглядели удостоверение, развернутое и протянутое в их сторону.

– Еду на срочное задание! – рявкнул я тоном человека, не привыкшего к возражениям. – Сделать так, чтобы переезд я проехал первым. Если есть посты впереди, справа от переезда, – предупредить по радиии, чтобы не останавливали. Выполняйте!

Лишь вернувшись за руль, полюбопытствовал, что за корочки предъявил: выдернул из кармана первые попавшиеся, пока и в самом деле не начали выкручивать руки. Оказалось

– подполковник президентской гвардии... Неплохо.

* * *

Пропуска на въезд в парк у меня с собой не было. Оценив прочность ближайших к Венериному пруду ворот, я решил воздержаться от тарана. Прогуляюсь, по прямой тут меньше полукилометра.

Хотелось бежать, нестись к берегу сломя голову, – но я шагал неторопливо, под стать прочим гражданам, прогуливающимся по дорожкам парка. Было их немного, но все равно – для силовых акций место слишком людное. Скорее всего меня действительно поджидает не засада, а указания, куда двигаться дальше. Хотя как знать... Если за деревьями, буквально в сотне метров, послышится стрельба – мирные обыватели наверняка решат, что развлекается молодежь, взрывает петарды.

Пройдя половину пути, сошел с аллеи, перемахнул через канаву и двинулся напрямик, через лесной массив. Здесь гуляющих не было и я решил достать пистолет. На всякий случай... Вдруг меня все-таки поджидает не новая записка или что-то в этом роде, а живые люди. Тогда я им не завидую... Обычно мне удается сдерживать кровожадные инстинкты своей второй ипостаси, когда она пытается взять управление на себя, но сейчас даже пытаться не буду, так разозлился.

Потянувшись за «вальтером», я обнаружил, что коробоч-

ка с кольцом до сих пор лежит в кармане... Ты, Дарк, хотел придумать что-то оригинальное для сегодняшнего особого вечера? Ну так добрые люди постарались за тебя... Вернее, совсем не добрые. Возможно, даже не люди. В любом случае о банальном уголовном киднеппинге с требованием выкупа речь не идет, не те у меня сбережения, чтобы добираться до них столь сложным способом.

Привычный путь казался незнакомым. Так уж повелось, что в этой части парка я ежегодно бываю ранней весной и поздней осенью, а сейчас деревья, густо одетые зеленью, выглядели совсем иначе. С пути я не сбился, но вышел на берег Венерина пруда в стороне от запланированной точки.

Огляделся, прислушался: никого... Лишь где-то высоко и далеко, невидимый за кронами, стрекотал вертолет. Хотелось надеяться, что это не какая-нибудь левая вертушка, а наш «Еврокоптер», получивший задание барражировать над парком.

Медленно, осторожно двинулся к приметному месту, к двум сросшимся липам. Как раз у этого V-образного ствола я стоял десять лет назад, когда вода беззвучно раздалась и...

На стволе липы что-то белело. Как раз на уровне моих глаз. Новая записка? Плюнув на осторожность, я в три стремительных прыжка добрался до дерева.

Не бумага... Льняная салфетка или нечто вроде того. Один угол был аккуратно перевязан в двух местах ниткой и там прощупывался небольшое и твердый предмет, но я не

обратил внимания, потому что на ткани были написаны слова. Даже не написаны, а вышиты. Вот какие: «Ты женишься на мне, любимый?» И сердечко вместо подписи.

Негромкий смех заставил обернуться. Она стояла по колено в воде – как тогда, как десять лет назад, единственное отличие – теперь Нейя не была полностью обнажена, надела бикини.

– Ты раздумываешь? Сомневаешься? – спросила она.

– Ни секунды... Конечно, женюсь.

Хотел было протянуть ей руку, чтобы помочь выйти из воды, и понял, что так и сжимаю дурацкий пистолет.

* * *

– Ты не желаешь взглянуть, что внутри? – Она кивнула на салфетку, ту самую, лежавшую в сторонке, на самом углу столика – я не желал случайно закапать соусом или вином будущую семейную реликвию.

Ассортимент блюд и напитков удивительно напоминал тот, что теперь пропадет на теплоходе-ресторане, – то, что люблю я, и то, что любит Нейя. Сам же столик стоял посреди пруда, но не в воде, разумеется, – на острове Любви. Сколько раз я смотрел с берега на этот крохотный кусочек суши, густо поросший деревьями, но оказался на нем впервые. Выяснилось, что здесь весьма удачное местечко для частных свиданий в людном месте – никто из гулявших по парку, слу-

чайно забредя на берег, не смог бы разглядеть, что тут у нас происходит.

Доставать нож и разрезать нитку я не стал, размотал аккуратно и неторопливо. Что именно лежит внутри, догадывался, – не бином Ньютона, да и форма небольшого предмета хорошо прощупывалась сквозь ткань.

Кольцо, разумеется. И все же сюрприз удался. Кольцо в точности повторяло то, что я приготовил для сегодняшнего вечера, – золотой ободок с десятью бриллиантиками – но мужское, увеличенного размера.

Так, так... Пазл окончательно сложился.

Я бросил нехороший взгляд на запястье... Без электронной интриганки дело не обошлось, ясней ясного. Кольцо я заказывал при помощи Даны, она же была свидетельницей тщетных поисков свежих идей в интернете. А уж разобраться с памятью системы наблюдения для нее пустяк.

– Предательница, – констатировал я печально.

И пообещал, не помню в который уж раз:

– Я все-таки когда-нибудь придумаю, как устроить тебе переπροшивку памяти без возможности восстановления.

Интриганка ответила без слов: экранчик осветился, продемонстрировал ехидную рожицу с высунутым языком и снова погас.

– До чего же ты меня недооцениваешь... – в тон мне произнесла Нейя, столь же печально. – Даже обидно... Уже после нашей второй свадьбы, когда я вспомнила первую и по-

няла, что все идет по кругу, – я придумала, как быстро восстанавливать память. Нечто вроде резервных программ и файлов Даны, но на другом носителе.

На каком именно, я не стал спрашивать. Слишком был ошарашен.

– То есть каждую весну ты выходишь из воды, уже помня все?

– Нет, тогда я ничего еще не помню... Примерно через десять дней все воспоминания возвращаются.

Десять дней... Ох... Бокал с шампанским застыл в руке, не донесенный до рта. Первое свидание... первый поцелуй... моноспектакли для одного зрителя, постановщик и исполнитель Сергей Чернецов... Как бы не так. Зрителей там не было. Два режиссера, актер и актриса на сцене, – а зал пустует.

– Извини... Но тебе так нравились эти ежегодные ухаживания и свадьбы... Да и мне, честно говоря, тоже. И я бы не стала признаваться, но уже в прошлом году мне показалось, что привычное стало тебе понемногу надоедать, Сережа. Будем менять ритуал, если ты не против, – времени у нас мало, год слишком быстро заканчивается.

Ну что тут скажешь? Я поставил бокал, поднялся с легко-го раскладного стула. Достал из кармана кольцо и надел ей на палец, опустившись на одно колено. Банально? Плевать... А невестребованного скрипача, оставшегося на теплоходе, с успехом заменил соловей, без труда перекрывший звонкий синичий хор.

– Предлагаю не отказываться от ежегодной свадьбы. Во-первых, это просто красиво...

– Я согласна, – сказала Нейя и надела кольцо мне.

Потом мы поцеловались и... И вновь между нами проскочила та искра, что не зависит ни от каких воспоминаний или их отсутствия, – которая, надеюсь, будет проскакивать всегда, сколько лет вместе нам ни отмеряно...

А потом мы начали менять и отменять устоявшиеся ритуалы. Начали с такого: первый секс лишь в первую брачную ночь, – и остров Любви оправдал и свое название, и уединенное местоположение.

Дану я успел отключить с легким мстительным чувством: ей всего шесть лет, рановато присутствовать при сценах 18+.

* * *

Особый вечер плавно перетекал в белую июньскую ночь. Бутылки и тарелки опустели, пора было собираться, спускаться на воду легкую надувную лодку, – остров Любви хорош для ярких романтических свиданий, но надолго здесь не задержаться, даже простая ночевка доставит множество бытовых проблем... Имелся в этом некий символизм.

Когда я собирал наш столик (он достаточно компактно складывался в большой кейс, наподобие этюдника), позволил босс.

– Отстрелялся? Вручил руку и сердце?

– Угу... ОСВОДом теперь будет руководить бессердечный однорукий начальник.

– Замечательно. А у меня для вас свадебный подарок. Или предсвадебный? Не важно... Короче говоря, сюрприз.

Он выдержал провокационную паузу.

– Какой? – спросил я подозрительно; знаем мы эти начальственные сюрпризы.

– Планы вновь изменились. На базу вы отбываете не завтра вечером, а в одиннадцать утра.

– Теперь это называется подарком?!

– Нет, подарок в том, что ты можешь вылететь вместе с супругой. Или с невестой? Сами разбирайтесь, в каком вы там сейчас статусе.

Порадовал, называется... На тренировки отведено два дня, работать придется интенсивно, – вот уж удовольствие будет Нейе общаться со мной, тупым как пробка, приходящим в себя после трансформаций...

Но все оказалось не так просто.

– Дело том, что теперь я и сам не знаю, сколько вы там просидите в пятиминутной готовности. И ты, Дарк, наверняка станешь ныть, что начальство разрушает твою семейную жизнь.

– Неизвестно сколько просидим? – переспросил я. – А чтостряслось?

– Ты новости не смотришь из принципа? Ну да, тебе сегодня не до того...

И он коротко объяснил: как раз в том квадрате, где специалисты собирались исследовать мерцающий проход, сейчас не протолкнуться от судов и вертолетов, работать невозможно... Проводится масштабная спасательная операция. Ищут круизный теплоход, исчезнувший вместе с топ-менеджерами крупной корпорации, что-то праздновавшими на борту.

– А знаешь, как называется та корпорация?

– Откуда...

– «Балтнефтепром». Любопытное совпадение, правда?

Глава 9. Идеальное место для отдыха

Парк-отель «Капитан Флинт» располагался на северо-западном берегу Выборгского залива, в нескольких километрах от границы с Финляндией. Живописная уединенная бухта, мачтовые сосны, прибрежные гранитные скалы...

Впрочем, живописной бухта стала относительно недавно – в былые времена здесь уродовало пейзаж рыбодобывающее предприятие треста «Ленрыба»: громоздились серые коробки зданий, спроектированных архитекторами-вредителями без оглядки на эстетику; ржавели на берегу мотоботы, отплававшие свое; громоздились кучи старых сетей, свое отловивших, и кучи разного прочего хлама. Все вкупе терзало взгляд даже не самых записных эстетов, – а обоняние терзал сильнейший запах, неистребимое рыбное амбре, – густое, хоть на хлеб намазывай вместо шпротного паштета.

Былые времена прошли, трест «Ленрыба» скончался, его наследство было демонтировано и вывезено, – уцелел только прикрывавший бухту мол с маяком. Амбре, казавшееся неистребимым, постепенно улетучилось.

Водная гладь осталась та же, и те же сосны высились на берегах, – и пейзаж превратился из отталкивающего в живописный. Планета Земля станет очень красивым местом, когда затянутся все шрамы, оставленные вымершим человечеством.

На первый взгляд «Капитан Флинт» выглядел самым обычным заведением для отдыха среднего класса на природе. У заведения даже имелся сайт, где подробно расписывалось, какие замечательные места окружают парк-отель и какие услуги там оказывают постояльцам.

Правда, клиенты придирчивые, из тех, что активно мониторят рынок в поисках скидок, акций и супервыгодных предложений, – могли бы обратить внимание, что цены на сайте указаны завышенные в два-три раза. Тех же, кто на цены внимания не обращает, поджидала при попытке оформить заказ неприятная новость: оказывается, хоть парк-отель и расположен всего в десяти километрах от оживленной трассы «Скандинавия», но ведущая к нему боковая дорога для проезда непригодна из-за развалившегося моста – попасть к месту отдыха можно только водным путем, на пароме, – а тот плавает отнюдь не регулярно. У тех, кого и ожидание парома не отпугивало, заявку администраторы сайта принимали, пообещав известить при появлении свободных мест, – но никогда никого не извещали. Потому что парк-отель «Капитан Флинт» был совсем не тем, чем представлялся с первого и со второго взгляда, а засекреченной базой НИИ Проблем Мирового океана.

* * *

Сигнал тревоги прозвучал, когда мы вернулись с прогулки

и Нейя решала, что заказать на ужин.

Дана издала условную трель – и я сорвался с места.

– Ужинай без меня, вернись не скоро, – только и успел сказать, выскакивая за дверь.

Ничего, подруга жизни предупреждена заранее и понимает, что такая уж у меня беспокойная служба...

От нашего двухместного коттеджа до причала было метров четыреста. Я припустил бегом – время пребывания в нашей реальности мерцающего портала и «Летучего голландца» варьировалось от сорока трех минут до трех с небольшим часов, и из этого небольшого срока нельзя было зря терять ни секунды.

Остальные бойцы ОСВОДа квартировали в двух коттеджах, расположенных ближе к причалу. Хуммеля я догнать успел, но за легкими на ногу сестричками Ихти и Импи, разумеется, не угнался. Властимира не увидел, наверняка тот занимался любимым делом, играл в шахматы с высоколобыми из научной группы, призванной исследовать портал.

Бок о бок с Хуммелем мы выскочили на причал. Был он изрядных размеров, способный вместить флотилию маломерных судов. Но сейчас почти пустовал: если не считать трех легких моторок, никак не пригодных для дальних плаваний, у причальной стенки стояло лишь два кораблика временяемого размера.

К одному из них, небольшому двухмачтовому паруснику, мы как раз и бежали. Он внешне напоминал пиратскую бри-

гантину, причем бутафорскую, построенную с демонстративным пренебрежением к историческим реалиям.

Декоративные тоненькие мачты никак не могли выдержать давление наполненных ветром парусов: на сторонний взгляд эту посудину, наверняка переделанную из рыболовного бота, приводил в движение бензиновый движок, а мачты, реи и прочий такелаж с рангоутом служили для антуража и завлечения романтически настроенных туристов.

Случайный наблюдатель и не заподозрил бы, что парусник, несмотря на свой бутафорский вид, мог при нужде совершать дальние океанские плавания. Мог, и порой совершал.

Яхта, стоявшая у причала неподалеку, была полной противоположностью псевдобригантине: и внешним дизайном, и внутренней отделкой напоминала звездолет далекого будущего, – приводнившийся, легший на бок и решивший поработать водным транспортным средством – временно, в ожидании новых полетов к звездам. На этом суперсовременном судне передвигались научные сотрудники НИИ ПРОМОК.

Мы с Хуммелем протопали по сходням. Ихти и Импи были уже на борту, причем в компании Колобка, – наверняка мелкий паршивец воспользовался своей способностью телепортироваться.

– На двенадцать секунд быстрее, чем в прошлый раз, – проинформировала Дана, едва я ступил на палубу.

Быстрее... а толку-то? Без Властимира все равно не от-

плывем. Вернее, отплыть-то недолго, но под водой в полноценную боевую группу ОСВОД не превратится. Случалось погружаться и без него, но тогда Хуммелю львиную долю сил и времени приходится тратить на присматривание за тем, чтобы я во второй своей ипостаси не натворил дурных дел, – и выполнение других задач становится проблематичным...

Показались ученые, приближавшиеся неторопливой трусцой. И Властимир, даже от них отставший. Ну все, конец его шахматным турнирам. Загоню в тренажерный зал сбрасывать лишние килограммы. И переселю на «Скорпену» (так назывался наш парусник), пусть квартирует вместе с бойцами Соколова. На весь ОСВОД здесь кают не хватит, но для него местечко найдут, потеснятся.

Властимир, не подозревая о грядущих незавидных переменах в судьбе, протопал по сходням, дышал тяжело, одышливо. И вскоре мы отплыли. Яхта с учеными, отвалившая от причальной стенки минутой спустя, пристроилась в кильватер, – однако любой случайный наблюдатель, оказавшись такой на берегу, поставил бы сто к одному на то, что суперсовременное судно окажется на финише первым. Поставил и проиграл бы пари.

Псевдобригантина, не сбавляя хода, преобразилась на манер трансформера. Реи сложились, втянулись в мачты, а мачты – в корпус, весьма изменивший свои очертания. Считанные минуты спустя по бухте стремительно понеслось судно на подводных крыльях, мало чем напоминавшее прежний

бутафорский парусник.

* * *

– Объект слева по курсу! Вышел из невидимости! – звучали переговоры в наушниках. – Дистанция шесть миль!

– Режим-два! Курс сто двенадцать! Средний ход!

– Курс девяносто шесть! Запускаю беспилотник!

Сбрасывая ход, два наших судна расходились в стороны, брали объект в «клещи».

В боевой рубке зажегся большой обзорный экран и мы с Ротмистром увидели изображение, передаваемое с беспилотника. Знакомая картина: большой галеон североευропейской постройки, наш «Летучий Голандец».

– Проверю, что там с режимом-два, – сказал Ротмистр и выскользнул из рубки.

Его бойцы находились и у нас на борту, и на «Медузе» (так именовалась яхта ученых). Соколов мог выходить в море на любом из этих судов, но сегодня выбрал «Скорпену».

Я знал, что в режиме-два готовится к бою вооружение, обычно замаскированное. Хотя смешно... Наши ракетные установки позволили бы вступить в схватку, например, с корветом финских или шведских ВМС, причем с немалыми шансами на успех. А чтобы потопить галеон, оцетинившийся десятками бронзовых карронад, хватило бы и одного скорострельного орудия, – но задача топить «корабль-призрак»

не стояла.

Все стреляющее железо, подведомственное Соколову, предназначено для другого... Сквозь неконтролируемые, стихийно срабатывающие порталы, ведущие в Миры, способны проскакать самые разные твари, порой весьма крупные и агрессивные. Но не факт, что они поднимутся на поверхность, – а под водой с ними придется иметь дело ОСВО-Ду.

В наушниках продолжалась деловитая переключка. Наши суда заняли исходные позиции, сбросив ход до самого малого. Галеон игнорировал их появление, следовал прежним курсом. «Придется сегодня нырять или нет?» – гадал я.

– Отбой учебной тревоги! – прозвучал в наушниках голос ЛБ, наблюдавшего за нашими действиями дистанционно, из Института.

Капитаны откликнулись почти синхронно:

– Есть отбой тревоги!

– Есть отбой тревоги!

Парусник исчез с экрана, как не было. Разумеется, его и не было, – имитация, созданная на основе любительских съемок «Голландца».

– Маскировка с левой установки не снялась, что-то там перекошило, – пожаловался Соколов, вернувшись в рубку. – Пришлось вручную снимать, так теперь обратно не встает... Достанется от босса на орехи.

– Свалишь все на техников, – беззаботно посоветовал

я, довольный, что под воду отправляться сегодня не пришлось. – Что при любом косяке главное? Правильно, главное – найти, на кого можно переложить ответственность.

* * *

В кают-компании Малыш Хомяков развлекал сестричек, рассказывая не очень-то приличные, на грани фола, анекдоты. Где и когда только успел набраться... Властимир не слушал – уставившись на планшет, решал шахматную задачу. Хуммель, как обычно, наладился подремать.

Я тоже не слушал рассказы Колобка. Расслабился, блаженно размышляя: «Красота... Меньше чем через час будем на берегу, и восстанавливаться после погружения не надо, и Нейя еще не спит, и...»

Наверное, эти благостные мысли стали ошибкой: судьба любит наказывать наивных мечтателей.

Дана вновь, второй раз за сегодня, издала пронзительную трель. Тем же звуком порадовали устройства связи остальных осводовцев. А через миг, словно эхо, трель прозвучала по корабельной громкой связи.

– Ни разу не смешно, – проворчал Властимир, отрываясь от своей задачки.

Да уж, две тревоги в один день, одна за другой, – перебор. Чудит родимое начальство...

Вернувшись в боевую рубку, я натянул наушники и услы-

шал с середины фразы:

– ...до объекта пять кабельтовых. Это не учебная тревога.

Повторяю, тревога не учебная.

Что за ерунда... Никаких других тревог в этом квадрате приключиться не может по определению. И никаких реальных объектов в пяти кабельтовых не появится. До эпицентра интересовавших нас событий двести с лишним морских миль. А если огибать побережье и финские территориальные воды, то и все двести пятьдесят.

На экране было пусто. Ни реальной цели, ни смоделированной компьютером. Все правильно, беспилотник запустить не успели...

Затем я сообразил: пять кабельтовых, а еще лишь начало смеркаться и видимость относительно приличная, значит... Собразил и выскочил на палубу. Галеона не увидел – впереди, справа по курсу, дрейфовало судно достаточно современной постройки. Все огни погашены, ни одного человека на палубах не видно.

Поднося бинокль к глазам, я почти не сомневался, какое название сейчас прочитаю. Ну да, все правильно... «Котлин». Круизный теплоход, бесследно пропавший в ночь на первое июня.

Его сейчас активно ищут спасатели трех стран, причем в двухстах с лишним милях отсюда, – а он тут, целый и невредимый.

«Хотя нет, не такой уж невредимый», – сообразил я, при-

смотревшись повнимательнее.

Теплоход явно побывал в переделке: на борту можно было разглядеть глубокие свежие вмятины, и тянулись от них не то трещины обшивки, не то разошедшиеся сварные швы. В надстройках, менее прочных, виднелись круглые отверстия с рваными краями, вдавленными внутрь. Кто-то подверг обстрелу мирное судно, не имевшее на борту никакого вооружения. И подозреваемый, исходя из характера пробоя, имелся лишь один: галеон не то семнадцатого, не то начала восемнадцатого века.

Пираты, ктулху побери, Балтийского моря.

Флибустьеры.

Корсары, якорь им в глотку...

ЛБ опасался, что ошалевшие от непонятного чужого мира морячки наделают глупостей? Зря опасался. Пришельцы быстро освоились. И занялись не глупостями, а знакомым и привычным делом, морским разбоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.